

ОЛЕГ ГОНЧАРОВ



НЕИЗВЕСТНАЯ

К Н И Г А П Е Р В А Я

Олег Гончаров

Неизвестная. Книга первая

«Издательские решения»

Гончаров О.

Неизвестная. Книга первая / О. Гончаров — «Издательские решения»,

Зимой 1918 года в руки чекистов попадает девушка с необычными способностями. Спустя двадцать лет, накануне войны, Лаврентий Берия поручает капитану госбезопасности Данилову отыскать эту девушку. Поиски приводят Данилова к самой секретной лаборатории Страны Советов.

© Гончаров О.
© Издательские решения

Содержание

глава 1	6
глава 2	20
глава 3	35
глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Неизвестная

Книга первая

Олег Гончаров

Роман основан на фактах, домыслах и реальных событиях

© Олег Гончаров, 2016

© Сергей Кузьмин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Хотелось бы сказать большое спасибо тем людям, которые помогли в создании данного произведения.

Прежде всего Сергею Гурьянову, который и словом и делом способствовал тому, чтобы «Неизвестная» появилась на свет.

Большое спасибо Татьяне Жмайло, благодаря труду которой роман стал таким, какой он есть.

Спасибо Евгении Меркуловой и Сергею Кузьмину за то, что они подарили роману лицо.

Спасибо Владимиру и Марине Радионовым за поддержку и помощь.

Отдельное спасибо Славяне и Кристине – моим дочерям, которых я очень люблю.

Спасибо родным, близким и дальним, без которых мы не появились бы на этот свет и не стали бы такими, какие мы есть.

И главное спасибо и искреннее посвящение моей жене для которой я писал роман «Неизвестная»...

Веронике, с благодарностью, любовью и нежностью.

– Так вы хотите, чтобы я рассказала все с самого начала? Что ж... ночь длинная, дорога дальняя, а спать, я так понимаю, вы не собираетесь.

Ладно. Слушайте, если вам так интересно...

Кстати, коньячку не хотите? Нет? Ну пейте свой чай, а я, пожалуй, глоточек сделаю. Он полезный... для кровообращения хорошо. Конечно же, в небольших количествах, потому мне одного глотка вполне хватит.

А знаете – я впервые еду в «Красной Стреле», раньше не доводилось как-то... Да еще в мягком... Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Так вы не будете? Ну как знаете. А коньяк здесь подают неплохой. И лимон свежий... удивительно...

С чего же начать? Да пожалуй...

Помните у Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Аптеки, правда, не было, да и фонари уже не горели...

глава 1

Было холодно. Ветер с залива метался по пустынным улицам испуганно затаившегося города, словно злой демон из страшной сказки. Стонал с подвывом – тоскливо и обреченно – в узких проходных дворах, гнал по перспективе колючую ледяную крупу, закручивал ее в грязные смерчи и бросал шрапнелью в потухшие окна. Хотя... разве место демону в промозглом Петрограде, да еще зимой, да еще в конце февраля восемнадцатого года двадцатого века? Разве место ему там, где и самого бога давно отменили? Потому он, наверное, и злился... а может, и не по этому. Кто его, ветер, поймет?

Будто назло этой ночи, этой зиме и этому ветру по озябшей набережной шли трое озябших людей. Двое чуть приотстали, стараясь укрыться от кусачих льдинок за спиной третьего: кутались на ходу в длинные серые солдатские шинели, тискали задубевшими пальцами ремни до смерти надоевших трехлинеек и тихо матерились и на эту ночь, и на метель, и на самого председателя совнаркома.

Третий – ростом не из богатырей – с презрением шагал сквозь тьму, смело подставлял озверевшему ветру грудь, затянутую в черный матросский бушлат, и оттого казался выше. Он вразвалочку вышагивал по набережной, сметая клешами ледяную крупу с мостовой, и кричал этим сухопутным воякам:

– Разве же это ветер? Вот когда мы с самим Колчаком на норд ходили, вот там были ветра!

Но они его все равно не слышали. Им хотелось в тепло. Моряку тоже хотелось, но тот странный тревожный вызов, что выгнал этих троих в зимнюю ночь и заставил прорываться сквозь петроградскую метель, был срочным и безотлагательным. Так было написано в ордере, что лежал в кармане бушлата. Моряку поручили разобраться, и потому он упрямо шагал вперед.

У всех троих на рукавах, словно метки для ампутации¹, алели повязки с пришитыми к ним двумя литерами «ЧК».

– Чтоб вы околели, быдло чекистское! – прошипел случайно глянувший в окно третьего этажа бывший лейб-гвардии штабс-капитан.

Он брезгливо задернул штору, поморщился, потер здоровой ладонью культю оторванной германским осколком левой руки и бросил быстрый взгляд на постель. Там сквозь ночь проглядывалось что-то бесформенное, темное, храпящее. И хоть знал бывший штабс-капитан, что это всего лишь кухаркина дочка Дуська, но почему-то страшно стало ему. Он нащарил правой рукой спички, кое-как вынул одну, прижав культей коробок, чиркнул серной головкой по шершавому боку, и неясный огонек отбросил на серые стены изломанные тени.

В армейском зеркале, лежащем на резной этажерке, всполохом мелькнуло отражение – давно небритое, исковерканное неверным светом лицо. Он узнал в образине себя и поморщился. Но тут заметил на зеркале полоску белого порошка, бегущую по идеальной стеклянной поверхности, а рядом – тонкую серебряную трубочку, и все забылось.

– Неужто вчера оставили? – мелькнула мысль.

Он секунду замешкался, решая, как бы в одной руке удержать и спичку, и трубочку. Понял, что это невозможно, нагнулся, резко втянул носом «дар индейских богов» и сразу почувствовал, как в ноздрях что-то взорвалось холодом и радужные пузырьки побежали

¹ Во время Первой мировой войны в армейских госпиталях красными нитками обозначались места ампутации раненых конечностей.

по телу, по лицу, по векам, по ушам, собрались в тугой узел возле затылка и ринулись сквозь черепную коробку в самые потаенные уголки мозга.

– Ай! – вскрикнул бывший штабс-капитан, роняя догоревшую до пальцев спичку.

Комната вновь погрузилась в ночь. Что-то забормотала во сне Дуська, а постылый ветер гроыхнул по крыше оторванным кровельным листом. И бывшему лейб-гвардии штабс-капитану все стало так просто и ясно, что он невольно улыбнулся этой ночи и этому миру.

Он зажег новую спичку и бросил равнодушный взгляд на пышнотелую деваху, раскинувшуюся по штабс-капитановой кровати. Как был – босой, в мятой исподней рубаше и галифе, – пошел в ванную комнату, прикрыв за собой дверь спальни. Спичка потухла на полпути. Но свет ему был не особенно нужен. Он прожил на этой квартире уже столько лет, что не мог заблудиться даже в темноте.

В ванной было немного теплей, чем в номере, и хотя выложенные майоликой стены на ощупь казались холодными, пол из армянского туфа приятно грел ступни. Дверь за ним закрылась. Он оказался в кромешном мраке, постоял так немного, потом выдернул из кармана галифе маленький дамский браунинг, сунул ствол в рот и нажал на спусковой крючок.

Раздался громкий щелчок и... больше ничего.

Он постоял пару мгновений с пистолетом во рту, потом со злостью отшвырнул предателя, и тот со скрежетом залетел под большую чугунную ванну, стукнулся о литую ножку и затих.

– Вот ведь говно... – выдохнул бывший лейб-гвардии штабс-капитан и засмеялся.

А патруль упрямо прорывался сквозь петроградскую вьюгу. Даже бравый матросик и тот сгорбился под очередным бешеным порывом ветра и уже не вспоминал ни Колчака, ни загадочный «норд».

Наконец совсем заледеневшие, мало похожие на людей, они остановились у избитого вьюгой меблированного доходного дома.

– Тута? – простонал с надеждой один из солдат.

– Тут, – просипел в ответ отважный покоритель северных льдов. – Парадная заколочена. Айда через черный... – махнул он в сторону подворотни.

И через миг на перспективе уже не было никого. И ветру стало скучно.

Тихо скрипнула дверь черного хода, люди торопливо втиснулись в теплое чрево доходного дома. На лестнице тускло горела лампочка, а чугунная батарея исходила жаром. Один из солдат подлетел к ней, присел на корточки, гроыхнув винтовкой, привалился спиной к раскаленным ребрам и застонал то ли от удовольствия, то ли от боли.

– Тут будь, – сказал ему морячок. – Никого не выпускать и...

– Никого не впускать, – хрипло закончил солдатик давно заученный приказ и оскалился щербатым ртом.

– Вот-вот, – кивнул морячок, увидел как от промерзшей шинели солдатика повалил пар, зябко поежился и повернулся ко второму служивому:

– Митроха, за мной...

Митроха помялся, зыркнул на морячка недобро, но винтовку с плеча сдернул.

Морячок бодро взлетел на пролет лестницы, а солдат заковылял по ступеням, опираясь о приклад винтовки, словно о посох.

На площадке была всего одна дверь – добротная, обитая ватином и хорошей кожей, с фигурными медными гвоздиками, изящной витой ручкой и отполированной посеребренной табличкой:

«г-н Степанъ Евграфович Околесинъ»...

...и чуть ниже:

«Дворникъ»

Под табличкой была аккуратно прибитая медная стрелка с гравировкой «*Крутить для вызова!*», которая указывала на барашки звонка.

Морячок крутанул. Потом еще раз. И еще.

– Ни черта не слышно!

– А может, звонок сломатый, – тихо изрек Митроха и подул на замерзшие пальцы.

– Это навряд ли... впрочем, – и морячок уже занес кулак, чтобы стукнуть им в посеребренную табличку, но тут за дверью послышалось – «И кто там?» – приглушенно, но вполне отчетливо.

– ЧК! – рывкнул Митроха так, что моряк даже подпрыгнул от неожиданности. – Вызывали?

– Ну, наконец-то... – в замке мягко щелкнуло, дверь бесшумно распахнулась.

– Слава богу, граждане-товарищи, а то я уж испереживался весь. Что же долго-то так? – на пороге стоял маленький тщедушный старичок с реденькой бородкой и блестящей лысиной.

«Чистый гриб», – подумал моряк, который рядом с этим плюгавеньким выглядел даже высоким.

Одет был старичок в добротный гобеленовый жилет, синие в тонкую полоску английского сукна порты, заправленные в начищенные до блеска хромовые сапоги. Из-под жилета выглядывала желтая атласная косоворотка, на жилете блестела дворничья бляха с выбитым номером.

– Нам пролетки не досталось, – стал вдруг извиняться Митроха, – пехом пришлось...

– Гражданин Околесин? – перебил его моряк.

– Так точно! – выпрямился, выпятив цыплячью грудь, старик.

– Вы телефонировали в ЧК?

– Так точно! – покосился он на красную повязку на рукаве Митрохи.

– Ну и на кой? – делово спросил чекист.

– Так ведь девка... я же дежурному доложил...

– Какая девка?

– А... да... – махнул ручонкой дворник. – Пройдемте-с, граждане-товарищи, я покажу-с.

Старичок вышел на площадку, бережно прикрыл дверь и осторожно вставил ключ в замочную скважину. «Как раз на уровне глаз», – хохотнул про себя морячок.

А старик повернул ключ в замке и, прислушавшись к работе механизма, остался весьма доволен. Потом аккуратно отодвинул в сторонку дылду Митроху, просочился мимо моряка и начал подниматься вверх по лестнице:

– Идемте, граждане-товарищи. Тама она, стерва, на четвертом этаже, – поманил он чекистов за собой.

Морячок поморщился, точно медузу проглотил – не любил он дворничье племя. Вспомнились ему мельком те славные деньки, когда капитан второго ранга Колчак позвал его как самого молодого и смышленного в экипаже минера на новенький ледокол «Вайгач». Как напился он тогда от счастья, как рвался в пьяном угаре к возлюбленной своей Татьяне-курсисточке, чтобы попрощаться навек, и как вот такой же сука-дворник как младший полицейский чин сдал его адмиралтейскому патрулю. И ушел Колчак на норд без него...

– Ну, тот-то помордастей был, – отогнал он от себя смутное желание пальнуть из маузера в тощий зад старичку, да чтобы задымились от пули синие старичковы штаны. – Тот... помордастей... – и пошел вслед за дворником.

Митроха немного согрелся и уже бодрее пошагал за командиром.

– Я, значит, граждане-товарищи, у парадной снежок обмел, – торопливо затараторил старичок, привычно оглядывая ступени (все ли с ними в порядке?), окидывая взглядом стены (не пошла ли трещиной краска?) и потолки лестницы (нет ли где ненароком паутины?), – котельню затопил, а то вчера дамочка из восьмого номера жаловались, что в комнатах прохладно. А Силантий, наш кочегар, еще в январе расчет взял да в деревню к себе подался.

Дворник поднимался все выше по чистой лестнице освещенного и протопленного черного хода.

– А где сейчас кочегара-то наймешь? Кочегары нынче во власть... Так я все сам... все сам. Потом решил запоры чердачные проверить, ну а тут она, аккурат на четвертом, да... под чердачным притвором. А замки-то на притворе нетронуты... И мимо меня никто вроде не проходил... Не местная она. Своих-то я всех... Ну я ее попервости прогнать... А потом... ох, – вздохнул старичок. – К себе спустился да в чеку позвонил... у меня же телефонный аппарат еще с царских времен... Я хоть ныне и отстранен в отставку как чуждый алимент, только непорядок это, чтоб в таком-то виде по домам-то шляться. Тут ведь люди порядочные, степенные... и детишки проживают. Ну и не стерпел я... Вызвал... Барышня на станции расторопной оказалась, а вас все нет и нет...

– Так что случилось-то? – моряку надоела эта болтовня.

– Так ведь вот-с, граждане-товарищи...

– Мама родная! – вырвалось у Митрохи, и он чуть не перекрестился ненароком.

– Ну и че? – хмыкнул морячок. – Голой девки не видал, че ли?

– Такой не видал, – разлыбился солдатик.

– Да-а... – протянул морячок, приглядевшись, и на всякий случай потянул за ремешок кобуры маузера.

– Вот и я говорю – странно енто как-то, – поддакнул дворник, отступая за спины чекистов.

Она стояла перед ними. Совсем еще девчонка – лет шестнадцати, от силы семнадцати, совершенно обнаженная и совершенно не стыдящаяся своей наготы. Девка как девка... Ну голая, ну красивая...

– Тощевата... Но – хороша! – прошептал Митроха, и тут же простил моряку и злой ветер, и колючую изморозь, стегавшую по глазам, и то, что тот заставил его, совсем промерзшего, подниматься на эдакую верхотуру.

«Кондрат-то, дурак, пушай у батарее греется», – вспомнив оставленного на страже патрульного, он украдкой взглянул на темный треугольничек внизу ее живота, покосился на овалы сосков, потом отвел глаза в сторону и почувствовал как кровь быстрее побежала по его озябшему телу. И непогода вдруг забылась, и стало жарко. Очень жарко.

А вот что действительно поразило морячка, так это ее взгляд – растерянный, немного грустный и будто все понимающий и заранее прощающий. Так смотрит младенец на мать, когда та дает ему грудь. Он обхватывает ее ручонками, деловито причмокивает и смотрит, смотрит, смотрит прямо в душу...

А еще припомнилась старенькая деревенская церквушка, в которой служил добрый попик отец Онуфрий. И почудилось, будто он – маленький, босой и бесштаный – снова залетел в эту церковку, да так и застыл, уставившись на икону... «Это Казанская божия матушка», – тихо сказал ему тогда отец Онуфрий и провел шершавой ладонью по голове будущего «грозы морей»... пожалел. И добавил зачем-то: «Я ее в юности сам списывал».

У богоматери были такой же взгляд, как у этой девицы. Не девицы, нет. Девушки... Девы...

– А тепло тут у вас, – ляпнул Митроха. – Дровами топите?

– Пока уголек есть, – отозвался дворник, – да и на ту зиму, может, хватит... А может, и нет, – спохватился он, словно почуял – отберут, отберут же нехристи! Чем тогда жильцов согреть...

– Она живая? – почему-то шепотом спросил морячок.

– Стоит же, не лежит, – снова покосился на девушку солдат.

– И как она тут? Привел кто? Или сама зашла? А может, насильничал кто? Обобрал? – вопросы чекиста посыпались как из пулемета.

– Так чего ты на деда-то? – вступился за дворника Митроха. – Ты у нее самой спроси.

Повернулся чекист, к девушке шагнул... «Не надо!» – хотел крикнуть Степан Евграфович, да не успел...

А ничего такого страшного и не произошло. Ну... или почти ничего. Только девка напряглась, словно морячок переступил невидимую черту. На чекиста зыркнула, потом будто скукожилась, сжалась на миг, и вдруг морячок увидел, как она преображается, наполняется внутренней силой, мужественностью какой-то и напором. Пара ударов сердца, и чекисту пригрезилось, что перед ним стоит сам Колчак.

Нет, конечно же, это была та самая девка – телешом и без стыда, только в фигуре ее, в повадке, в манере держать голову морячок сразу узнал адмирала.

Строго взглянула бесстыжая девица на чекиста и вдруг сказала:

– Что ж ты, Кузминкин, так меня подвел... Напился как пороса, дебош устроил. А мне тебя так не хватало... там, на норде... *Vous me décevez*².

Потом девка хохотнула и добавила препротивно скрипучим голосом:

– А осенью пятнадцатого там, у маяка, в десанте на вражий берег... Помнишь, как со страху обосрался, когда зольдатн германский в тебя из карабина пальнуть хотел? Если бы не осечка, не топтать бы тебе, Кузминкин, сейчас русской земли... А обдристался ты тогда знатно! Небось, до сих пор в штанах склизко, – подмигнула морячку, нос наморщила, словно и сейчас от него тем страхом воняет, и расхохоталась гортанно, гнусно, обидно.

Отпрянул чекист, отскочил, захотелось ему убежать из этого натопленного светлого дома в ночь, в пургу, да хоть к самому черту в зубы, лишь бы подальше от этой проклятой девицы. А когда он увидел, что его напарник, этот солдатик, эта дылда деревенская, чурбан неотесанный, узнал то, что минный кондуктор Кузминкин не то что от чужих, от себя прятал – стоит Митроха и нагло лыбится, и рожа у него препротивная, – рука сама дернула за ремешок кобуры, крышка со стуком откинулась и пальцы быстро нашарили ребристый бок маузера...

– Дюнхор! – вдруг вскрикнула девка, и словно рассыпался Колчак, отек, а вместе с ним и она сама обмякла.

Руки ее безвольно обвисли вдоль бедер, голова чуть отклонилась в сторону, взор потух, а с полуоткрытых губ тонкой струйкой заскользила по подбородку слюна.

– Все, – сказал дворник, – сломалась она. Теперь часа два безопасная. Граждане-товарищи, заберите вы ее, Христа ради, а то она мне всех жильцов перебудит, а у меня тут почтенные люди живут. На втором этаже зубной техник Ставридис, и на третьем – писатель Барченко с женой...

– А ты-то сам к ней подходил? – Кузминкин успокоился, руку с маузера убрал, но кобуру оставил открытой.

– Подходил, – Степан Евграфович вдруг потупился, стал еще меньше, почти карликом, и проговорил тихо:

– Два раза подходил...

– Ну?

² Вы меня разочаровали

– Второй был еще гаже первого... Эх, граждане-товарищи, ведь разве ж я думал... Разве ж нарочно... Я же потом всю жизнь грех отмаливал. Эх! – Чекисту Кузминкину показалось, что на щеке дворника блеснула слеза. – Потому и знаю, что она теперь не страшнее агнца господня. Заберите ее, граждане-товарищи. Ради Христа, заберите!

– А на кой она нам-то? – спросил вдруг Митроха. – Она же дура. Вон всякую околесицу мелет. Ей скорую карету вызывать надо, и пусть ее доктора пользуют, а нам убогие без интересу. Правда ведь, товарищ Кузминкин?

Переглянулись дворник с морячком и ничего не сказали. Только чекист подумал: «... если понят, то не так.»³ Ну и слава тебе».

Он опасливо, но настойчиво шагнул снова к девушке.

Ничего не произошло.

На этот раз действительно ничего.

– Надо бы одежду ей какую-никакую, – сказал он вслух. – Тут бабы какие-нить, тьфу ты, женщины, живут? Или только зубники? – спросил он у дворника.

Надевать на девушку мужскую одежду ему почему-то не хотелось, словно шинель или пальто могли раздавить это ценное, но необыкновенно хрупкое чудо. Страшно стало за нее. Страшно и все.

– Так ведь я же говорю – на третьем писатель с женой квартиру снимают-с.

– Митроха, пулей туда. Буди, требуй. Да ищи чего потеплей. Экспроприацию у шелкопера устрой. С него, небось, не убудет.

– Так ведь, как же так? Как же жильцов-то... – испуганно прошептал дворник, когда тяжелые солдатские каблуки загрохотали по ступеням.

– А ты ступай к себе, – сказал чекист Степану Евграфовичу, – телефонируй на Гороховую⁴. Хоть до товарища Петерса, хоть да самого Феликса дозвонись, только чтоб извозчик здесь был немедля. Пусть хоть из-под льда достают.

А с третьего этажа уже зазвенело горласто: «Отворяй! ЧК!».

– Точно, всех перебудит. – Дворник, уже не таясь, перекрестился и поспешил исполнять приказание.

– А ну, отворяй! Кому говорю! – вопил Митроха и молотил прикладом в дверь. Стучать, как ни странно, пришлось довольно долго. Уже и на нижнем этаже скрипнула дверь, уже послышался голос дворника, успокаивающего кого-то и что-то кому-то вежливо объясняющего. Уже и сам старикашка, позвякивая на ходу связкой ключей, с молодецкой прытью пролетел мимо Митрохи и бросил на ходу:

– Ты зачем же ботами да по обивке-то, гражданин-товарищ? – но ответа дожидаться не стал, спешил очень.

Хотел ему Митроха сказать все, что на душе его солдатской накопело. И про эту дверь, и про дом, и про весь Питер, стольный град рухнувшего мира, и про революцию – будь она неладна, ибо закружила голову рязанскому парню, завертела, приподняла, да пока не опустила. Так сказать хотел, чтобы стены в доме задрожали.

Не довелось.

Дверь отворилась.

На пороге стоял немолодой уже человек: седеющие виски, офицерская фуражка с темным пятном от кокарды, френч без знаков отличия с серебряным галуном на левом рукаве⁵, в одной руке небольшой чемоданчик, в другой – потертая шинель с оторванными погонами.

³ Окончание поговорки «Дуракам закон не писан...»

⁴ ВЧК находилась по адресу: ул. Гороховая, д. 2

⁵ Отличительный офицерский знак за ранение на Первой мировой войне

На ногах добротнo подшитые валенки, а на носу – совершенно неуместные круглые очки. За спиной человека в темном коридорчике кто-то всхлипнул, а человек сказал спокойно:

– Я готов.

– К чему? – опешил Митроха.

– Ну... вы разве не за мной?

– Да нет, – помотал головой солдат. – Не за тобой... До тебя еще очередь дойдет в свое время. Мне женка твоя нужна...

– Наталья? Зачем?

– Ну коли спрашиваю, стал быть – нужна.

– Она спит.

– Так разбуди, в лоб твою мать!

За спиной офицера ойкнули, а потом появилась миловидная женщина с покрасневшими от недосыпа и слез глазами, в скромном халате, подпоясанном почему-то мужским поясным ремнем.

– Погодите, Александр Васильевич, – сказала она, выступив вперед. – Коли это меня спрашивают, так я сама и отвечу, – и тихонько мужа вглубь квартиры потеснила, словно загородила собой от этого озлобленного на весь свет солдата.

– Я Наталья Барченко. Что вам угодно?

Митроха совсем растерялся. Весь его пыл и пал и вся недавняя злость полыхнули молнией да потухли. И чего это он как с цепи сорвался? Вон и дамочка какая пригожая, да и муж ейный тоже не из контры, по всему видать. Ведь у Митрохи тоже нашивки на рукаве имеются, только красная⁶. Под повязкой ее не видать, а ведь она там, куда же ей деться-то. Может, они в одних окопах от пуль германских ховались, а он на него по матушке...

– Тут это... – сказал солдат примирительно. – Не найдется ли у вас, гражданка, каких-никаких теплых вещей.

– Каких вещей? – не поняла женщина.

– Теплых, – повторил Митроха, – Ну там... пальте какое-нить или шубейка с тулупчиком.

– Шуба есть, – сказал офицер.

– Да, – согласилась его жена. – Есть шуба.

– Вот и славно, – обрадовался солдат. – Я ее у вас экс-про-при-ирую, – старательно по складам проговорил он. – А взамен, – он сунул руку за пазуху, поискал что-то там и вытащил на свет сложенный вчетверо листок серой бумаги. – Вы получите расписку о том, что ВЧК изымает у вас, значит, ваше добро в пользу революционного пролетариата. Вот, – ткнул он дулом винтовки в поднятый листок. – И печать имеется, и подпись товарища Дзержинского.

– Наташенька, неси шубу, – сказал офицер, поставил чемоданчик на пол, но шинель так в руках и держал. – Вы пройдете?

– Да не... – отмахнулся Митроха. – Мы здесь подождем.

– А что там за возня наверху? – кивнул жилец в сторону лестничного пролета.

– Так ведь то не ваше дело, – строго сказал Митроха, а тут и жена офицерская с шубой вернулась.

Хорошая шуба... лисья, длинная, хоть и поношенная, но вполне справная.

– Вот, – сказала женщина. – Возьмите.

– Ага, – кивнул Митроха, шубу забрал, на руке подбросил. – Легкая, что гусиное перышко.

– Это мне Рерихи... жена его... но вам она, видимо, сейчас нужнее...

⁶ Солдатский знак ранения

– Ага – снова кивнул солдат и взамен шубы подал женщине расписку.

Та, даже не взглянув на нее, сунула в карман халата.

– До свидания, – сказала сухо и скрылась в темном коридоре квартиры.

– Что-нибудь еще, гражданин чекист? – спросил офицер.

Митроха помолчал, лоб наморщил, прикидывая что-то в своем солдатском уме, и сказал офицеру:

– И это... валенки тоже...

Офицер мгновение поколебался, но валенки с себя стянул.

«Вот ведь и портянки на нем солдатские», отметил про себя Митроха. Но вслух ничего не сказал, забрал и валенки, кивнул – благодарствую, мол – и поспешно бросился наверх. Уже на середине лестницы он обернулся и крикнул глядевшему ему вслед офицеру:

– Зайти в квартиру! Дверь запереть и носа не казать! А то пальну.

Дождался, когда жильцы выполнят его приказ, оглядел валенки, к ботинкам своим солдатским приложил, хмыкнул довольно и ринулся на четвертый этаж.

А бывший окопный прапорщик немного постоял перед закрытой дверью, отдышался, потом усмехнулся чему-то, пристроил на вешалку шинель. Сверху повесил фуражку. Свил с ног портянки, бросил их небрежно на обувную тумбу, сунул ноги в домашние турецкие тапки с задранными носами и без задников и пошлепал в комнаты.

А чемоданчик оставил стоять у двери. До следующего раза. Обещал же тот чекист...

Жена уже лежала в постели. Он разделся, осторожно забрался под одеяло и обнял ее.

– Что-то Евграфыч сегодня расстарался. Жарко.

– Это я его вчера попросила... – сказала Наташа. – Ты же кашлял...

Потом помолчала и выдохнула:

– Слава богу...

– Бог спит, – сказал писатель, поцеловав жену в шею. – И ты спи.

А потом сам вздохнул и прошептал:

– Он бы такого не допустил...

Этот дом на Гороховой видел многое: и балы, что любил давать лейб-медик матушки Екатерины, и тайные церемонии масонских лож, и торжественные собрания блистательных дворян, и подчеркнутую холодность охранного отделения. Слышал прекрасную музыку, секретные формулы новоявленных жрецов и даже выстрелы, когда стреляли в градоначальника. Однако того, что творилось здесь сейчас, старый дом никогда не видывал и не слыхивал.

Шумно было в доме на Гороховой.

Шумно и дымно.

Курили все.

Кто-то уходил в промозглую ночь, кто-то, замерзший и усталый, возвращался. Кто-то стучал одним пальцем по клавишам машинки, старательно шевеля губами в такт напечатанным словам. Кто-то громко требовал адвоката, а кто-то смеялся над этим требованием как над забавной шуткой. Где-то лязгал дверной запор, где-то – затвор винтовки. Там кто-то пел, отвратительно коверкая мотив, тут кого-то били...

Дом жил.

Сто человек работало в то время в ВЧК. Да еще батальон пехотный придан для уличных патрулей, облав на притоны бандитские и сходки офицерские, ну и ежели кого в расход пустить понадобится или, как тогда говорили, «шлепнуть» – как малыша по попе... А еще дом набит был шушерой всех мастей: грабителями, домушниками, проститутками и просто гулящими, карманниками, фармазонщиками, марафетчиками...

Как-то нелепо, неправильно и странно было видеть рядом с этим шумным развязным скопищем представителей столичного дна шикарных дам в дорогих мантиях и муаровых платьях, бывших генералов и князей, ученых с мировым именем и известных буржуа. Казалось, что они были здесь ни к чему, но они здесь были – осколки рухнувшего в одночасье блистательного мира.

Дом на Гороховой не спал. Давно. Уже несколько месяцев. Некогда было...

– Ладно тебе, – хлопнул по плечу пожилой чекист молодого сослуживца. – Еще отоспишься... там тебя дело ждет...

– Да слышал уже, – вздохнул молодой. – А правда, что она даже без панталон?

– Ну не знаю, – пожал плечами старший. – Сам и разберешься.

Засмеялся и пошел по забитому людьми коридору – худой, длинный, с аккуратной бородкой-клинышком, с острым, пронизательным взглядом.

– Дон Кихот! – восхищенно посмотрел ему в спину молодой человек.

А молодой человек был действительно молод. Лет восемнадцати. Небольшого роста, белокурый, с неглубокими залысинками над высоким лбом. С прямым, чуть длинноватым носом, с чуть пухлыми чувственными губами и несколько маловатым подбородком, прикрытым рыжеватой порослью. Приятный на вид молодой человек. Вот только если присмотреться, внимательно присмотреться, то можно было заметить, что волосы у вьюноша крашенные, на кончиках век гримом нанесены легкие, почти незаметные штрихи, но из-за них кажется, что у чекиста совсем другой разрез глаз. И бородка – то ли для солидности, то ли просто из прихоти – тоже слегка подкрашена театральной краской и оттого кажется гораздо гуще...

Ну так это, если сильно присматриваться. А кто это будет делать в дыму, гомоне и суматохе дома на Гороховой?

Людям и так некогда.

– Товарищ Владимиров!

Окрик вывел чекиста из оцепенения. Тот повернулся:

– Здравствуйте.

– Вот ордера вам снизу просили передать.

– Много?

– Восемь штук.

– Уф, Моисей Соломоныч, запалили они меня совсем. Я же только вернулся...

– Ну и как сходили? – Урицкий передал бумаги чекисту, поправил пенсне и, подхватив молодого человека под локоток, увлек его по шумному коридору.

– Хорошо сходили, – ответил Владимиров. – Тут бандюки повадились под ЧК рядиться, граждан-буржуев щипать. Да с мокрухой. Три семьи вырезали, ну а нынче они на Лиговке ювелира Гользмана решили на гоп-стоп взять. Нам соседка их сдала. Дескать, она их из окна увидела и главного ихнего признала, бывшего мичмана Солодыху. Он ее как-то в шестнадцатом году на балу тискал, чести девичьей лишил, а потом испарился – словно его и не было...

– Поматросил, значит, мичман и бросил, – хохотнул Урицкий.

– Вот-вот, – кивнул чекист. – Так она решила, что если он в ЧК, то от нее голубчик уже никуда не денется. За честь свою девичью поруганную решила отомстить. Взяла и на номер самого Феликса телефонировала. Дескать, чекист ваш, Солодыха Анатолий Петрович, такой-растакой охальник и стрикулист. А сейчас он у ювелира Гользмана обыск делает, так смотрите, чтоб чего себе не прикарманил, ибо, дескать, на том памятном балу он серебряную конфетницу спер...

– Ну, а Феликс? – Моисей Соломонович продолжал придерживать Владимирова за локоть, и его пальцы словно невзначай перебирали ткань гимнастерки на крепкой руке чекиста. Ладонь начальника чрезвычайного штаба петроградского комитета обороны, то

сжималась на предплечье Владимиров, то разжималась, словно ощупывала руку молодого человека. Это было похоже на странную игру, которая не слишком нравилась чекисту, но, видимо, весьма забавляла Моисея Соломоновича. Эту странную манеру Урицкого отмечали его современники.

– Так Феликс Эдмундович, – терпел Владимиров, – велел мне про того Солодыху проверить. А я же всех наших помню. Нет среди них мичманов Солодых, даже бывших, да и никого мы на Лиговку нынче не посылали. Ну, я двух красногвардейцев с собой взял и туда.

– Анархистов? – Урицкий сильно стиснул локоть чекиста, но тот выдержал.

– Ну да, – кивнул он. – Они ребята хваткие.

– Ну-ну?

– Успели мы. Они как раз сейф потрошили. Тут мы их и прижали. Одного нашего, правда, ранили, но они и сами там легли.

– А Гользманы?

– Старшего Гользмана уже зарезали. Кровищи было как с быка. И мальчонку-наследника тоже. Его ножом всего искололи. Видимо, ювелир не хотел ключ от сейфа давать. А жена его с сестрою и горничной под перекрестный огонь попали. Сестру сразу в голову, горничную – в живот. Она еще с полчаса пожила. А ювелиршей один из налетчиков прикрывался, так красногвардеец сперва в нее, а потом в громилу.

– Сами-то в порядке? – обеспокоено оглядел молодого человека Урицкий.

– Ни царапины.

– Правильно сделали, товарищ Владимиров, что расстреляли этих сволочей. Тех, кто прикрывается мандатом чекиста и творит такие непотребства, надо уничтожать безжалостно⁷. Ну, а ценности?

– Доставили, Моисей Соломоныч. Там бриллиантов несчитано, два крупных сапфира, весьма достойный рубин и так, по мелочи... Меня сейчас Дзержинский благодарил, – ненавязчиво вырвался-таки из цепких клешней начштаба чекист.

– А ведь я, Константин Константинович, из-за вас в такую пургу приехал из Смольного, – блеснул стеклышками пенсне Урицкий и остановился возле широкой парадной лестницы. – Вы же знаете, – он заглянул в глаза молодому человеку, – ВЧК переезжает в Москву, а мне поручено создание Петроградской чрезвычайки. Я хотел бы, Константин, чтобы вы остались... Мне нужны такие люди, как вы.

«Ну уж нет!», – подумал молодой человек. – «Знаю я ваши шалости, Моисей Соломонович. Да и кто о них не знает, только... я девочек люблю». А вслух сказал:

– Спасибо, товарищ Урицкий, за доверие. Только я же солдат революции, куда она прикажет, там мне и место.

– Но вы принципиально согласны? – взгляд из-за стекол пенсне был настойчив.

– Если Дзержинский разрешит, я не против.

– Вот и хорошо, – Урицкий снова поймал и начал тискать руку чекиста. – Очень рад. Ведь вы – левый эсер?

– Точно так.

– Угу... Ну Феликса я беру на себя. И думаю, мы с вами неплохо сработаемся, – улыбнулся он.

– А пока позвольте... – Владимиров помахал перед носом начштаба обороны листками ордеров. – Мне бы срочно...

⁷ Урицкий был противником массового террора и расстрелов. В бытность его председателем ПетроЧК расстрелов не было. Однако он вел жестокую борьбу с коррупцией в органах и требовал расстреливать на месте бандитов, выдающих себя за чекистов. По иронии судьбы его смерть стала толчком к развязыванию «красного террора». В первый же день объявленного террора только в Питере было расстреляно девятьсот человек.

– Да-да, конечно, – Моисей Соломонович нехотя отпустил Константина Константиновича. – Не смею вас задерживать.

И поспешил по широким ступеням вверх по лестнице. А Владимиров перевел дух и прошептал:

– Так тебе Феликс меня и отдаст – держи карман шире!

Потом с тоской взглянул на ордера, аккуратно сложил их и сунул в карман галифе.

– Ничего, до завтра буржуйчики потерпят. А сейчас спать...

Он направился было в свой потаенный уголок на чердаке этого старого дома, где у него была оборудована неплохая берложка, не известная ни начальству, ни тем более подчиненным. Там, в закутке за горячей кирпичной трубой котельной, скрытый от посторонних глаз, стоял старенький обтертый диванчик. И на нем так хорошо спалось утомленному тяжелыми революционными буднями старшему уполномоченному всероссийской чрезвычайной комиссии Константину Константиновичу Владимирову.

Правда, маман от рождения называла его Симхой, а еще шайгец и шлимазл⁸, а отец, когда был в хорошем расположении духа, величал не иначе как Янкель бен Гершев. И фамилия у парня в детстве была совсем другой, только этого в старом доме на Гороховой не знал никто... Или почти никто... Но об этом пока – тс-с-с!

На полдороге Владимиров остановился. Подумал, что неплохо было бы зайти в кабинет за шинелькой, а то на чердаке нынче все-таки холодновато. Но вспомнил, что в кабинете его ожидает какая-то полоумная девица, которую зачем-то приволок сюда патруль, а Феликс велел разобраться с ее делом. Константин чертыхнулся и побрел сквозь строй бывших сливок аристократического петроградского общества, а так же воров, разбойников, грабителей и озлобленных от постоянного недосыпа и хронической усталости охранников к осточертевшему кабинету.

У двери стоял часовой.

– Как она там? – спросил его Владимиров.

– Сидит как кукла, – пожал плечами солдат. – Вроде смирная.

– Что же, посмотрим. Без панталон, говоришь? – спросил чекист, тихонько хмыкнув, и толкнул дверь, строго приказав часовому: – Никого не впускать!

Кабинет был крошечным. Массивный дубовый стол под зеленым сукном, два стула: один для хозяина – обычный, венский, второй для подозреваемого – массивный, с крепкими буковыми подлокотниками и прямой, обитой вытертой кожей спинкой («Трон правды», как называл его Костя). Несгораемый шкаф и тренога-вешалка, на которой висела почти новая генеральская шинель, прихваченная недавно на эксе⁹, и почти новый бобровый трех с красным околышем по искристому меху.

На столе – лампа под кроваво-красным абажуром, письменный прибор в виде двух резвящихся нимф в весьма фривольных позах, а рядом строгий кубик телефонного аппарата с потускневшими латунными рожками, на которых покоилась сильно поцарапанная трубка. Возле аппарата стопка документов – паспорта недавно убиенных Гользманов с их чадами и домочадцами. Один из них упал и раскрылся, на нем четким каллиграфическим почерком царского еще чиновника было старательно выведено имя случайно погибшей горничной – Юлия Вонифатьевна Струтинская. Все, что осталось от человека.

Стены крашены в серое. Под высоким потолком – электрическая лампочка на витом проводе, которая давала ядовито-желтый свет и делала ночь за окном похожей на жутко-

⁸ *Пройдоха и неудачник.*

⁹ Так в ЧК называли для краткости экспроприацию.

ватую бездну. Вот и все убранство, даже занавески на окне нет. Развернуться практически нигде, зато кабинет отдельный. Без шума и гама.

На троне правды восседала королева. Так, во всяком случае, в первый миг показалось Константину Константиновичу. Классический профиль девушки эффектно смотрелся на фоне черного провала окна. Длинная стройная шея, обрамленная пышным лисьим воротником дорогой шубы. Густые рыжие волосы – прямые, коротко стриженные, с остро обрезанными завитками у щек (кажется, тронь – уколешься) по моде, введенной эмансипатками с начала войны. Идеально прямая посадка, задумчивый взгляд, устремленный куда-то вдаль...

«Клеопатра! Истинная Клеопатра!» – невольно восхитился молодой человек. Но тут он увидел, что из-под шубы у королевы торчат ноги в грязных солдатских обмотках, обутые в разбитые башмаки, а руки притянуты к подлокотникам обрывками бельевых веревок, и очарование вмиг улетучилось. Как отрезало.

Появление Владимирова не произвело на девушку никакого впечатления. Она все так же задумчиво смотрела куда-то, словно не серая стена была перед ней, а неведомые дальние дали.

Чекист громко протопал сапогами и шумно уселся за стол напротив девушки. Она словно не заметила этого. Или вправду не заметила?

– Как тебя зовут? – громко, как для глухой, задал вопрос Константин.

Никаких эмоций.

– Слышь! Зовут тебя как?

Без результата.

– Ладно, – чекист вынул из ящика тоненькую папку, открыл ее, прочитал листок рапорта патруля и показания дворника Околесина.

Ничего не понял...

Перечитал еще раз.

Задумался.

Посмотрел на девицу.

Снова вчитался в рапорт...

– Неизвестная... – проговорил он и почесал затылок.

Девушка никак не реагировала.

– Что-то я не понял, – Владимиров отложил тонкую папку дела в сторону, потер уставшие глаза, встал и пристально посмотрел на девушку:

– Да кто ты такая, черт бы тебя побрал?!

Прямая спина, гордо вздернутый подбородок, взгляд вдаль – точка.

Костя немного поколебался, потом решительно снял трубку с аппарата и постучал по рычажкам.

– Коммутатор? Барышня, это Владимиров, соедините с Дзержинским...

Подождал немного, нервно стучая пальцем по столу. Затем взял в руку раскрытый документ горничной, пробежал его глазами, хмыкнул на смешное отчество убитой, закрыл паспорт и положил его в общую стопку.

Наконец, в трубке раздался резкий щелчок – соединили.

– Феликс Эдмундович, это Владимиров. Что-то я никак не пойму...

И тут девушка дернулась, вышла из оцепенения и недоуменно посмотрела на чекиста.

– Где я? – спросила она испуганно.

– Простите, Феликс Эдмундович, кажется, она приходит в себя... Да, непременно доложу, – он положил трубку на рычажки.

– Где я? – повторила девушка.

– Ты в ЧК, милочка, – хмыкнул Владимиров и уже открыл рот, чтобы задать вопрос, как вдруг девушка взглянула на него строго и отчетливо сказала:

– Окест пессимум локум. Сангвис. Долор. Тимор. Кур эдуксисте ме, Каезар?.. Это плохое место. Кровь. Боль. Страх. Зачем ты привел меня сюда, Цезарь?

И тут же кокетливо улыбнувшись, хитро посмотрела в глаза чекисту:

– Ты хочешь поиграть со своей девочкой, мой Гай? – она чувственно облизала верхнюю губку.

Владимиров опешил. Он снова ничего не понял, а чертовка тряхнула плечиком, и мех соскользнул, обнажив смуглое плечо и представив на обозрение чекиста соблазнительную ложбинку на небрежно распахнутой груди.

– Куиденим экспетас? Чего же ты ждешь? Их хоб дих либ. Я люблю тебя. Фэло фермоте пасас, Хочу твоего тепла, мой Гай, мой Цезарь, моя любовь.

– Гражданочка, да ты и впрямь рехнувшись, – покрутил пальцем у виска Константин Константинович.

Но сумасшедшая так томно посмотрела чекисту в глаза, что ему стало стыдно за свои слова... и мысли. А мысли в его голове в это мгновение и впрямь были не слишком возвышенными. «Да дались тебе эти панталоны», – одернул он себя и попытался уgomонить вдруг прыгнувшее к горлу сердце.

– Ты мне это... Хватит тут глазки строить! – строго рявкнул Владимиров. – Феликс велел отчет о тебе дать, а ты мне дуру валять удумала. Если бы ты и впрямь полоумной была, то он бы тебя в дурку, а не ко мне отправил. Так что ша, гражданочка. Я сказал – ша!

А она вдруг спину как мартовская кошка выгнула, потянулась к нему, и хоть путы ее далеко не пустили, только она их будто и не заметила.

– Штил, родненький, тише, – прошептала страстно. – Пихенете ва, иди сюда. Я тебя ласкать хочу, – из ее груди вырвался тихий стон, от которого у Константина Константиновича засосало под ложечкой.

Да и какой мужчина такое выдержит? Не выдержал и Владимиров.

– Варвос дерфсту дос? – спросил он на идиш, расстегнул верхнюю пуговку на гимнастерке и повторил уже по-русски: – Зачем тебе это нужно?

– А ты неужели не понял? – прошептала она и резко раздвинула колени. Шуба распахнулась, и вопрос, который мучил его все это время, отпал.

– Воло аутем вос, я хочу тебя, мой Гай, мой Цезарь, мой Юлий... – она уже не стонала, она хрипела, захлебываясь от желания.

Ну не стерпел он... И разве сможет хоть кто-то такое стерпеть? Молоденькая совсем, красивая словно нераскрывшийся бутон, и запах от нее такой... И кожа под губами нежная...

Он припал к ее груди, лицом в нее зарылся, наткнулся губами на сосок, легко коснулся его и впился, словно хотел высосать ее без остатка...

– Яша, Яшенька... Ту нихт азой, балд вет маме кумэн, не делай так, скоро мама придет, – вдруг простонала она. – О-о-о, мой Юлий...

И его ладонь уже заскользила по ее упругому животу, а сам он, путаясь в меховых полах проклятой шубы, пытался поудобней устроится меж ее ног, как внезапно его словно молнией прошибло:

– Как?! Как ты меня назвала?

– Что, Яшенька, помнишь Розочку? – она вдруг скривилась презрительно и отпихнула его ногой.

Он потерял равновесие, завалился набок, но тут же вскочил как ошпаренный. А ее передернуло, выгнуло дугой так, что стул под ней закрипел, и она прошипела змеей подколодной:

– А хорош-ш-ша была девочка... помниш-ш-шь, все Юлием тебя называла... Цезарем... Сла-а-аденькая... просила тебя больно ей не делать, а ты ее... Асар цукер нихт гезунт... Много сахара, это вредно. Удавилась Розочка. Из-за тебя, Яш-ш-ша, повесилась. А какая девочка была, круглая отличница...

– Заткнись! – взревел чекист.

Подскочил к сумасшедшей, замахнулся... И вдруг почуял запах кирпича. Да-да, несомненно, это был запах отсыревшего кирпича – заплесневелого, покрытого каплями влаги... А потом он увидел этот кирпич. И стену, в которой этот кирпич лежал в одном ряду с другими такими же кирпичами. Стену из кирпичей увидел... Стену кирпичную... Холодно было у этой стены. Зябко. Не так, как на улице нынче... Совсем не так. По-особому... Так зябко в подвалах бывает.

– А ву тут дир вэй? Где у тебя болит? – словно издалека, слышался голос девушки.

И рука, занесенная для удара, опустилась и прижалась ладонью к груди. Туда, где сердце...

– Тут болит... – прошептал он.

И повернулся. И увидел, что на него наставлены дула винтовок... И увидел глаза, что безразлично смотрят на него сквозь прицелы этих винтовок...

И стало ему страшно. Так страшно, что он понял – этот страх ему не одолеть, не задать, не зажать в пятерне и никак не справиться с ним... И тогда он понял, что может его только заглушить, и запел первое, что пришло ему в голову. «Вставай, проклятьем заклейменный... Весь мир голодных и рабов...»

И тут полыхнуло.

И страх кончился.

И боль ушла...

Он осознал себя в своем кабинете...

Он почувствовал, что голова его покоится на коленях девушки. Она почему-то больше не была привязана к стулу, а нежно гладила маленькими теплыми ладошками по его волосам. При этом задумчиво смотрела куда-то, словно не серая стена была перед ней, а неведомые дальние дали...

Он с трудом оторвал взгляд от ее лица, повернул голову и увидел, что в дверях кабинета стоит Феликс Дзержинский и с интересом наблюдает за немыслимой в стенах всероссийской чрезвычайной комиссии сценой. А из-за его плеча выглядывает перепуганный часовой.

– Так эта история и началась. Наверное, кому-то она покажется невероятной. Оно и понятно. Обывателю часто нет никакого дела до того, что происходит вне его уютного мирка. Что-то, что не вписывается в привычные рамки размеренной, но серой и скучной жизни, сразу же объявляется вздором и выдумкой. Так мозгу проще держать нас в узде. Но могу вас заверить, что все было так, как я рассказала. Да и впредь постараюсь говорить только правду и ничего кроме правды... Ну или почти ничего...

А теперь давайте немного о вас... Что вы так улыбаетесь? О нет... Я не собираюсь вас о жизни расспрашивать: где родился, когда женился, почему развелся... Это для отдела кадров. А вот, скажем, прошедший тысяча девятьсот сороковой год...

глава 2

Стулья в этой приемной были крайне неудобными. Вроде и добротные, вроде бы и сиденья у них, обшитые кожей, мягкие. Вот только спинки у этих стульев слишком прямые и высокие. Да и если признаться, в такую жару да в этих новых галифе, да на кожаном сиденье, да еще так долго – это просто ох! Спарился... Неловко чувствует себя Данилов. Неуютно. Ерзает тихонько, да изредка касается рукой кармана, в котором между партийным билетом и удостоверением лежит древний медный ножичек – талисман на удачу. А удача ему сейчас очень нужна.

А тут еще сапоги в подъеме жмут – разносить не успел. Да и как тут успеть? Его же неожиданно вызвали. Он только на обед собрался, как в кабинет влетел Ерохин.

– Ты чего? – уставился на него сквозь стекла очков Данилов. – Видок у тебя, Гриша, словно ты с дуба рухнул.

– Николай Архипыч, тут телефонограмма пришла. Тебя в Москву вызывают. Срочно. Горыныч перетрухнул малость, когда телефонограмму принимал, аж во фрунт вытянулся, – гыгыкнул Гриша, и Данилов живо представил своего начальника, прозванного Горынычем за «страшный зрак и великий рык», стоящим по стойке смирно перед стареньким телефонным аппаратом.

– Короче, собирайся – вечером выезжаешь...

Переполох и впрямь случился нешуточный. Командировочные, проездные документы, суточные талоны, купон на проживание – вся эта бумажная волокита отняла часа три. Так и остался Данилов без обеда. А когда уже на вокзал собрался, Горыныч его просто добил:

– Приказ о переходе на новую форму месяц как вышел, а нам ее только третьего дня прислали. Нельзя тебе в старой туда являться, стыдно... Так что, – и бахнул на стол Данилову вот эти самые сапоги да еще объемный пакет из серой мятой бумаги. Потом достал из кармана маленький холщевый мешочек и примостил сверху:

– Это шевроны, петлицы... По дороге подошьешь.

А Гришка Ерохин еще и фуражкой все это прикрыл – выходной.

И пришлось Данилову всю ночь в тамбуре петлицы и шевроны подшивать. Уже под утро проводница его пожалела:

– Что же вы тут-то?

– Да со мной в купе семья с девочкой. Она при свете спать не может.

– Пойдемте ко мне, у меня хоть лампа поярче, да и удобней вам будет сидя-то.

– Зато тут курить можно, – попытался отшутиться Данилов.

– С вашими петлицами, – сказала она серьезно, – и в купейке у начальника состава курить не запретят...

Так и получилось, что вечером Данилов вошел в поезд в старой форме, а утром в Москве вышел в новенькой. Зато не выспался совершенно. И если не считать кренделя да четырех стаканов чаю, вот уже сутки Николай ничего не ел. Думал у вокзала столовку найти, про нее Горыныч после своей командировки рассказывал, мол, дешево да сердито. Только с перрона вышел, а его за рукав хватить:

– Товарищ Данилов, мы вас ждем. Машина у бокового выхода...

И лица у ребят такие, что не спросишь, а где тут у вас пожрать можно?

И вот уже два с четвертью часа Данилов парился в этой приемной, то и дело протирал очки, пытался тихонько шевелить затекшими пальцами ног, ерзал украдкой на проклятом стуле и прислушивался к урчанию пустого живота.

Одним словом, боялся.

А вы бы не испугались?

Сорвали бы вас с места, посадили в поезд, привезли в столицу, промчали бы на всех газах по столичным улицам в черном паккарде, да так, что остальные машины в стороны от вас шарахались, а постовые-ОРУДовцы при этом еще и честь отдавали. А провожатые ваши – ребята, по всему видно, суровые – не проронили бы ни слова. И с таким видом ехали, словно сослуживца встретили да сразу и похоронили.

И вот домчали вас до известной на всю страну площади, завели в не менее известное здание, сдали под расписку, словно дитятю, с рук на руки сержантику молоденькому, а он возьми и ляпни:

– Товарищ нарком сейчас занят, но непременно встретится с вами. Просил обождать в приемной. Пройдемте, я покажу...

Данилов перетрухнул и даже тихонько сказал себе: «Хорошо хоть кишки пустые, а то ведь можно и не сдержаться по такому случаю».

А тут дверь, словно гром с неба, бац – и раскрылась. А из нее тот самый сержантик:

– Товарищ Данилов! Лаврентий Павлович вас ждет.

И осталось только взмокший лоб платочком вытереть...

Не кадровый он, Данилов. Из «хлястиков». До того, как в органы его призвали, истфак закончил и три года в школе учителем отработал. А тут еще эти сапоги... Отчеканить шаг у него не получилось, но отрапортовал четко:

– Товарищ народный комиссар внутренних дел, старший лейтенант госбезопасности Данилов по вашему приказанию прибыл!

Потом быстро окинул взглядом кабинет – небольшой, скромный, притемненный тяжелыми шторами на окнах. Остекленный книжный шкаф, почему-то пустой. Рядом «несгорайка». В дальнем затененном углу три стула вокруг небольшого столика, приставленного торцом к большому тяжелому столу. На том – лампа, телефон, строгий письменный прибор зеленого малахита с черной ручкой, чернильницей-непроливайкой и перекидным календарем, небольшая стопка казенных бумаг и не слишком пухлая папка какого-то дела – Данилов разглядел литеры на корешке. За столом сидел нарком, и Николай чуть повернулся в его сторону, но стойку «смирно» сохранил.

Из тени на него блеснуло. Это солнце отразилось в стеклах пенсне. Солнечный зайчик мазнул Данилова по глазам, рука невольно дернулась, чтоб поправить очки, но он сдержался.

Через мгновение привык Николай и к полумраку кабинета.

Лаврентий Павлович недоуменно взглянул на вошедшего. Узнал его – фото видел в личном деле – усмехнулся, словно вспомнил что-то.

– Николай Архипович, – он старательно выговорил имя и отчество Данилова, – здравствуйте. Рад вас видеть. Да... вольно, вольно.

И старший лейтенант госбезопасности, Данилов Николай Архипович, тысяча девятьсот третьего года рождения, член ВКП (б) с двадцать девятого года, разведенный, мало пьющий, но много курящий, не евший и не спавший уже почти двое суток, выдохнул. С облегчением.

А нарком скрипнул кожаным креслом, встал и вышел из-за стола.

Роста среднего, телосложение плотное, лицо круглое, чистое. Глаза темно-карие, с мешками от недосыпа, взгляд пронизательный, зрение слабое – носит пенсне. Нос прямой, губы тонкие, ямочка на подбородке. Лоб высокий, с залысинами. Стрижка короткая. Волосы темные, одет... – привычно отметил про себя Данилов.

А Берия уже подошел ближе.

– О! – удивился он, разглядывая Данилова. – Я-то думал, что вы у нас русский богатырь Иван Поддубный, а вы немногим выше меня... Как же вы тех троих-то взяли?

– Так я, товарищ нарком...

– Знаю, – перебил его Берия. – Вы у Ощепкова уроки брали?

– Так точно. Я тогда во Владивостоке в университете учился, а Василий Сергеевич у нас группу вел...

– Эх, – вздохнул нарком. – Сколько этот злобный карлик Ежов полезных людей загубил... Ну ничего, – он поднял глаза на Данилова. – А вы молодец. Уроки даром не прошли... Кстати, ваш подопечный Нехлюдов весьма интересным господином оказался.

– А вот резидент ушел, – потупился Данилов.

– Ничего, – ободряюще похлопал его по плечу Лаврентий Павлович. – Мы эту сволочь все равно достанем. Сколько вы его группу раскручивали?

– Двадцать шесть месяцев...

– Больше двух лет. Неплохо... неплохо...

– Нехлюдов так и не понял, как мы ему сумели столько дезы за это время слить.

– Хорошая работа, – кивнул Берия. – А они еще говорят, что очкарики ни на что не годны...

– Так мы на ощупь, товарищ нарком.

– На ощупь? – Лаврентий Павлович внимательно посмотрел в глаза Данилову и вдруг рассмеялся. – Это точно. На ощупь.

Он широко махнул рукой, словно зазывала на ярмарке:

– Присаживайтесь, Николай Архипович. Будем разговоры разговаривать.

«Я уже тут и так насиделся», подумал Данилов, но вслух, конечно же, ничего не сказал.

– Ах, да! – спохватился Берия и позвал громко:

– Васенька!

Тут же из-за дубовой двери показалась физиономия сержантика.

– Слушаю, Лаврентий Павлович.

– Ты бы в столовую сбегал, да поесть нам чего соорудил. Товарищ с дороги, проголодался, наверное. Да и я, пожалуй, пообедаю, а то потом не до того будет.

– Я сейчас, – кивнул Васенька, и дубовая дверь затворилась.

– Хороший мальчик. Умненький, – сказал нарком и повернулся к Данилову. – Чего же вы стоите, Николай Архипович, в ногах правды нет. Сейчас откушаем.

Данилов только слюну сглотнул, гимнастерку оправил и за наркомом к столу пошел.

– А как вам новая форма, товарищ Данилов? – спросил вдруг Лаврентий Павлович.

– Хорошая, – ответил Николай, присаживаясь за стол.

– Мне тоже нравится, – сказал нарком. – Жаль, что вам ее теперь носить почти не придется...

Только спустя час нарком внутренних дел встал из-за стола. Данилов тут же вскочил. Его слегка качнуло, но он быстро выправился. Обед был сытным, разговор долгим.

– И вот еще что... – Берия взглянул на свой чуть располневший живот и вздохнул. – Вы, Николай Архипович, оставайтесь здесь. Это теперь ваш кабинет.

– Так ведь... – хотел сказать что-то Данилов, но нарком его перебил.

– Нет, – усмехнулся он. – Мой кабинет этажом повыше.

На миг Данилов растерялся. Такого он уж точно ожидать не мог, да и все, что случилось за этим странным обедом, было для него совершенно ненормальным и абсолютно неожиданным.

– Итак, запомните: вы подотчетны только мне, обо всех обстоятельствах расследования докладывать мне лично.

– Слушаюсь, товарищ нарком.

– Хорошо, – кивнул Берия уже от двери. – И называйте меня Лаврентий Палыч.

– Так точно, Лаврентий Палыч.

И ушел народный комиссар, а Николай в кабинете остался. Постоял мгновение и обратно на стул плюхнулся. Рванул ворот гимнастерки, вдохнул глубоко... потом еще раз... и еще... Отдышался. Очки снял, глаза пальцами потер, еще раз вздохнул и почувствовал, что сердце стало биться ровнее.

«Вот ведь занесла-то меня нелегкая...»

Да, обрушилось на Данилова за эти два дня – не приведи такого никому. «Впрочем», – подумал Николай, – «все могло быть гораздо хуже».

Он пришел в ОГПУ в тридцать втором. Точнее карающий орган революции сам пришел за ним. В прямом смысле – явился в виде двух приятных на вид молодых людей. Он как раз экзамены у выпускников принимал. Устал. Уже домой собрался, по дороге занес экзаменационные листы к директору школы, а они его там ждут.

– Здравствуйте, товарищ Данилов. А мы к вам...

«Хорошо, что не сказали – мы за вами», – подумалось тогда учителю истории.

Побеседовали. Оказалось один из них тоже у Ощепкова дзю-удо (*именно так тогда называли борьбу Дзю-до*) занимался. Так что общий язык они быстро нашли. Ну а тема для разговора и так имелаась.

Только что японцы создали Великую Маньчжурию, их агенты наводнили Приморье и весь Дальний Восток. В Харбине беляки-недобитки устроили эмигрантский вертеп, готовили террористические акции, постоянно совершали провокации против советских служащих и даже учредили фашистскую партию. На Китайско-Восточной железной дороге участились случаи саботажа и вредительства, и в контрразведке катастрофически не хватало кадров. А тут молодой коммунист из известной в городе семьи, которая во время японской оккупации Владивостока была важной частью большевистского подполья. И сам Колька со своим дружкой Сяо по ночам расклеивал листовки, которые печатало большевистское подполье в подвале китайской аптеки на Светланской улице.

С Сяо они дружили давно. Прямо как их отцы. Он был еще совсем мальчишкой, когда аптекарь дядя Чен стал брать его вместе со своим сыном в тайгу на поиски лечебных корешков и трав. Они уходили в мае и пропадали там на целый месяц, а порой и на два. Дядя Чен был неплохим наставником, однако Кольке все эти лютики-цветочки были не слишком интересны. Гораздо интересней были ежедневные занятия китайской гимнастикой, в которой дядя Чен был большой мастер. Особенно нравились им с Сяо парные упражнения Та Лу. Это когда нужно вывести партнера из равновесия, а самому остаться на ногах. Сяо росточка был небольшого, как, впрочем, и его отец, однако уродился крепким, юрким и смышленным. Так что в этих гимнастических поединках побед и поражений у них было поровну. Потому и занятия были интересны.

Кольке пошел уже тринадцатый год, когда во время одного из таких походов они забрели в странное место на невысокой сопке. Здесь, на свободной от тайги, ровной, словно срезанной ножом плоской вершине, они увидели верхушки гранитных глыб, торчащих из зеленой травы. Камни выглядывали из земли где-то на полметра, где-то и того меньше, и сразу было видно, что они расположены в строгом порядке, образуя то ли спираль, то ли замысловатый лабиринт. Даже мальчишке было понятно, что это не причудливая игра природы, а дело рук человеческих.

Они с Сяо бросились наперегонки к этой невидали, но дядя Чен резким окриком остановил их. Вообще он был человеком добрым и мягким, но не в этот раз.

– Не ходите туда! Нельзя! Внутри нельзя!

А потом вручил растерявшимся мальчишкам по лопатке и велел выкопать какие-то корни каких-то трав, потому что в этих местах они особенно сильны и потому хорошо помо-

гают от слабости кишечной. Кольке не хотелось этого делать, да и притихший вдруг Сяо поглядывал в сторону каменных глыб, но так уж было заведено, что в тайге дядю Чена слушались беспрекословно.

Тогда-то Колька и поднял из земли свою первую находку. Пока дядя Чен и Сяо копали на дальнем конце вершины, он подобрался поближе к одной из гранитных глыб, в самом начале каменного лабиринта. Как ему показалось, в этом месте было особенно много сон-травы, корешки которой они собирали.

На граните отчетливо просматривался выбитый рукой древнего мастера рисунок. То ли солнечный диск, то ли колесо с двумя ободьями и сломанными спицами. Кольке разглядывать узор было некогда, он опасался, что дядя Чен заругается на него, а ему бы этого не хотелось. Потому он быстро выбрал самый крупный пучок нужной травы и торопливо подцепил лопаткой дерн, чтобы оголить корешки, скovyрнул его в сторону и прямо под ним увидел небольшой, позеленевший от времени кованый кусок металла.

– Ух ты! – вырвалось у мальчишки.

Дядя Чен услышал возглас и строго посмотрел в его сторону.

– Я же сказал – нельзя!

И Колька быстро отбежал подальше от запретных камней.

– Дядя Чен, что это? – показал мальчишка свою находку.

Китаец повертел ее в руках, понюхал и протянул обратно Кольке:

– О, как тебе повезло, – улыбнулся он. – Это древний медный нож. Такая находка принесет тебе большую удачу.

– Так может, покопаем вон там? – Сяо показал на каменную спираль. – Это же тоже древнее. Там может быть много таких ножей.

Видно было, что ему тоже хотелось поймать удачу, но отец отрицательно помотал головой.

– Нет, сынок, – категорично заявил дядя Чен. – Туда нам никак нельзя.

Уже вечером у костерка, пока они перебирали собранные за день травы и корни, китаец рассказал ребятам, что в этих местах когда-то жил народ Мо Хэ. Сильный крепкий и совсем не похожий ни на китайцев, ни на корейцев, ни на монголов. Как говорят, они-то и строили недалеко от своих селений эти странные каменные спирали. Зачем? Непонятно. Только не любят люди приходить в эти места.

– Если между камней зайти, – говорил дядя Чен, – голова болеть будет, тошнить будет, живот выворачивать. А самое страшное – мужская сила из неосторожного человека уходит. Совсем. И даже я не смогу от этого недуга рецепт составить. Так что вам там делать нечего. Да и мне вести вас сюда не стоило, однако как раз время пришло сон-траву¹⁰ собирать, а самой сильной она бывает в этих местах, – и показал им пожухлый цветок.

– А что за люди такие – Мо Хэ? – спросил Колька.

– А почему сон-трава здесь особенная? – спросил Сяо.

Дядя Чен посмотрел внимательно, потом улыбнулся и сказал:

– Каждый из вас все узнает. Всему свое время.

Колька взглянул на нож и спрятал его в котомку. Так и протаскал его с собой весь поход. А потом дома в квасе отмочил, зубным порошком почистил, и стал этот ножичек его талисманом.

Прав был дядя Чен – всему свое время. Через три года Сяо уже помогал отцу в аптеке и разбирался в травах не хуже него. Ну или так казалось Николаю. А сам он перешел в выпускной класс гимназии. История стала его любимым предметом, и он уже сказал роди-

¹⁰ В китайской народной медицине настоем и сухим экстрактом прострела раскрытого (сон-травы) лечат амёбную и бактериальную дизентерию

телям, что собрался поступать в университет и заняться археологическими изысканиями в родном Приморье.

И тут пришла революция – шумная, бурная и отчего-то очень веселая. А затем все закончилось – во Владивосток вошли японцы, и потянулись долгие дни оккупации и подпольной работы.

Потом японцы вырезали семью дяди Чена: и самого аптекаря, и дружка Сяо, и его маму – тихую, скромную тетюшку Лин. Узнали, что помогают большевикам, ночью пришли и печатный станок в подвале обнаружили. Они сопротивлялись – дядя Чен двух солдат покалечил, а Сяо офицера убил, но японцев было слишком много. Они тогда сильно зверствовали, подполье практически разгромили, но до Даниловых не добрались.

А Николай той ночью немецкие спряжения учил, у него на утро был назначен экзамен в гимназии. Хоть оккупационные войска все учебные заведения запретили, директор договорился с учителями, и те по квартирам у выпускников экзамены принимали. Коля сдал на «отлично». Из дома преподавателя Карла Густавовича вышел, тут его знакомый шкет и огорошил:

– Ты слышал, что аптекарь Чен большевиком оказался...

Уже когда в городе восстановили советскую власть, он пошел на китайское кладбище и долго плакал, пряча слезы от посторонних глаз.

У отца в то время было много работы – в городском совете народных депутатов ему поручили заняться образованием. Во многом благодаря ему, во Владивостоке вновь заработал университет. Туда Николай и поступил на исторический факультет. Там он узнал, что это за народ Мо Хэ – древние жители Приморского края стали основным предметом его изучения. Учился он жадно и с удовольствием. Каждое лето уходил в тайгу – искал ту сопку с торчащими гранитными глыбами. Не нашел. Не до того им с Сяо в детстве было, чтобы дороги и тропинки запоминать – их дядя Чен вел. А теперь ему страстно хотелось увидеть ту спираль. Но всему свое время.

А еще во время учебы он познакомился с замечательным человеком – Василием Сергеевичем Ощепковым. Тот долгое время прожил в Японии, был профессиональным разведчиком и первым русским, которому присвоили второй дан по дзю-до в токийской академии Кудокан. Он пришел как-то на комсомольское собрание университета и предложил студентам заняться борьбой.

Кольке это предложение показалось неинтересным. Все, что было связано с Японией, вызывало боль, гнев и обиду. Но отец сказал ему:

– Ну и балбес ты, Колька. Японцы – наши враги, и я их ненавижу не менее твоего. Но борьба эта – их оружие, а нам необходимо знать оружие врага.

И Николай записался в группу Ощепкова. Оказалось, что дзю-до чем-то похоже на ту гимнастику, что они с Сяо очень любили в детстве. Принцип тот же – устоять самому, а врага из равновесия вывести. А стоять крепко на ногах Николая еще дядя Чен учил. Получалось у него легко. Осваивал приемы быстро и своих партнеров укладывал одного за другим. Василий Сергеевич пророчил ему большое будущее, но в двадцать девятом Ощепкова вызвали в Москву...

После университета Данилову стало не до археологии. Отец скорпостижно скончался. Однажды на заседании горисполкома у него просто остановилось сердце. Нужно было маму содержать, вот он в свою же гимназию и устроился. Правда, звалась она теперь второй городской школой пролетарского среднего образования, но учителя остались прежними.

Там он встретил Зою. Она была дочкой учителя физики и частенько заглядывала к папе на работу. Ему пришлось побороться за ее внимание с преподавателем гимнастики. Тот тоже имел свой интерес, но тягаться с привлекательным и остроумным Даниловым не смог.

Свадьбу сыграли скромно – время было трудным, и Николаю в ту пору казалось, что жизнь его определена, и он до самой старости будет вбивать в головы малолетним оболтусам даты Пунических войн и Крестовых походов.

Зря надеялся. Он отработал три года учителем истории, и к нему пришли.

Учебный год в школе закончился, и Данилов оказался на новом месте работы. Недалеко – на Алеутской¹¹.

Что было в следующие четыре года, то пылится на архивных полках в папках под грифом «Секретно» с синим штампиком «Хранить вечно». Два пулевых ранения, багровый шрам от ножа под лопаткой и шрам на плече от самурайского меча – память о его работе в пятом отделе¹².

А еще от него ушла Зоя. Тихо, банально, к учителю гимнастики. Однажды он вернулся, а ее нет. Он еще поймал себя на мысли, что почему-то не сильно расстроился. Ну ушла и... ушла. Пусть ей будет лучше.

В тридцать шестом маму сбила машина. Он как раз в то время был в Шанхае и даже не смог ее похоронить. Спасибо ребятам, все сделали как надо.

А потом, в Харбине, на конспиративной квартире его ждала засада. Он сумел уйти, но японцы устроили за ним настоящую охоту. И руководство решило перевести его подальше от Приморья.

В канун Нового – тридцать седьмого – года он в последний раз прогулялся по улочкам родного города, подышал сырым морским ветром с залива, полюбовался на освещенный яркой иллюминацией строй боевых кораблей. Потом добрался до вокзала, сел в поезд и отправился в Большую Россию. Очень он в тот день огорчился, что не сможет встретить Новый год с друзьями. Знал бы он тогда... Прямо на новогодней вечеринке его сослуживцы были арестованы, обвинены в работе на японскую разведку, а чуть позже расстреляны.

Это новый нарком внутренних дел показал народу свои «ежовые рукавицы», Николай Ежов, генеральный комиссар госбезопасности, нарком внутренних дел. Милый, маленький человек, со скромным взглядом и детской улыбкой. Его на это место поставили после того, как сумели спихнуть «императора Ягóду». По задумке ЦК, он должен был зачистить от раковой опухоли заговора, что метастазами пронизали военные и партийные органы, страну, идущую к Светлому Будущему. И поначалу на Николая Ивановича нарадоваться не могли. Бойко взялся за дело, со знанием и сноровкой.

Кто же мог знать, что у скромника Ежова такой лютый нрав?

Ангелок оказался кровопийцей.

И полетели клочки по закоулочкам. И головы тоже полетели.

Очень Данилову повезло. Во Владивостоке его с довольствия тогда сняли, и в списках Приморского НКВД он уже не значился, а до Воронежа, куда лежал его почти трехнедельный путь через всю страну, он еще не добрался.

Данилов наконец отдышался. Привычно тронул карман с талисманом и улыбнулся. Ждал-то худшего, а вон как оно получилось. Даже кабинетом обзавелся и покровительством «самого». Разве же это не удача? Вот только...

Он встал, взял со стола тонкую папку дела. Хотел раскрыть, но потом положил ее в несгораемый шкаф, защелкнул замок, а ключи сунул в карман галифе. Окинул взглядом стол, на котором стояла початая бутылка сухого вина, два бокала, несколько тарелок, чашка из-под чая и нелепый в этом соседстве письменный прибор с перекидным календа-

¹¹ Во Владивостоке на ул. Алеутской, 44, располагалось здание Приморского управления ОГПУ, позже НКВД

¹² Контрразведка НКВД

рем и датой: второе августа тысяча девятьсот сорокового года. «Фаза луны – убывающая. Продолжительность дня – шестнадцать часов девять минут», прочитал Николай на листке календаря.

– Надо будет как-то прибраться, – сказал он вслух и вышел из кабинета.

– Товарищ сержант, – позвал он.

– Слушаю, товарищ капитан!

– А... вы уже знаете...

– Так точно, – улыбнулся Вася. – Мне Лаврентий Палыч документы о вашем переводе в Москву велел в строевую часть передать. Там был и приказ о досрочном присвоении вам внеочередного звания. Поздравляю.

– Спасибо. А он вам сообщил, что вы поступаете в мое распоряжение?

– Так точно!

– Хорошо. Тогда... как вас по имени отчеству?

– Ермишин Василий Афанасьевич, но... можно просто Василий, или Вася.

– Хорошо, Вася. Меня Николаем Архиповичем зовут. Так что, давай без чинов.

– Есть без чинов!

– И попроще.

– Попроще так попроще, – согласился Вася. – Вы что-то хотели, Николай Архипыч?

– Да, Вася, хотел. Не подскажешь, где тут у нас туалет?

– Так вот, налево по коридору. Там в конце дверца с табличкой...

– Понятно. Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Зимой тридцать седьмого в Воронеже Данилов оказался и к месту, и ко времени. Местный НКВД как раз выполнил ежовский «план по чистке». Почти тысяча старых партийцев, руководящих работников и чекистов были расстреляны. Органам снова не хватало кадров. А тут еще на авиационном заводе затеяли секретный проект, и поблизости тут же оказались какие-то странные люди, которым почему-то был очень любопытен новый самолет «Стрела». Потому Горыныч «товарищу с Дальнего востока» был очень рад. Он сам совсем недавно возглавил пятый отдел. Взлетел по карьерной лестнице в силу понятных обстоятельств и очень боялся этого неожиданного взлета. А тут опытный оперативник – чем не удача!

– В городе тебя никто не знает, связи с местными органами не просматриваются, значит, могут клюнуть, – пробасил ему Горыныч прямо в день приезда.

И Николая сразу загрузили работой.

Устроили Данилова на авиазавод в то самое конструкторское бюро, что занималось «Стрелой». Легенду подготовили: молодой инженер, сын какой-то мелкой шишки из наркомата, талантлив до чрезвычайности, потому приглашен в КБ. Но разгильдяй редкостный, любитель легкой жизни, доступных женщин, шумных застолий. И азартен до безобразия – только карты увидит, руки начинают трястись. Потому и холостой до сих пор, что бабник и к семейной жизни негодный.

Поселили его в заводском общежитии, только там он практически не появлялся – все по значным местам да квартирам подозрительным ночевал. Бабы к нему липли – как мухи на мед, каждая же думает, что только ей под силу такого жеребчика буйного захомутать. Рестораны, застолья, охи-вздохи при луне. При этом на работу он не опаздывал и претензий от начальства не имел. Все, что поручали, выполнял, да еще и с лишкой. Однако личная жизнь для страны не менее важна, чем общественная. Уже через месяц его крепко проработали на заводском партсобрании, и ушел он с него сильно озлобленный. Ну прямо настоящая находка для шпиона.

И шпионы не заставили себя ждать. Прав был Горыныч – клюнули. И клюнули так, что поплавок совсем скрылся.

Как-то поближе к ночи Данилов заглянул в интересное местечко на Монастырке, где одна дородная вдовушка притончик картежный имела. Его здесь знали и самогончику сразу же поднесли.

Данилов было отказался, но...

– Закон заведения, – строго сказала ему хозяйка.

Хлопнул он рюмочку да об пол ее жахнул.

– Эх, – говорит. – Злой он у тебя.

Хозяйка охнула, но Николай ей сразу в руки пять рублей сунул, она язык и прищемила, деньги за пазуху спрятала, за веником поспешила.

– Кто он-то? – спросил один из четырех мужиков, но Николай так зыркнул в ответ, что вопрошающий поперхнулся.

– А честной гоп-компании физкульт-привет, – оглядел он тускло освещенную комнату.

Двое за столом, один – любопытный который – у этажерки, бутылками заставленной, трется. «Выпивоха» – назвал его Данилов.

А еще один в тени сидит – да так, что и лица не разглядеть. Развалился на диванчике, ногу на ногу положил, только сапог до блеска надраенный покачивается.

Подсел Данилов за стол, а там банчик мечут, в очко режутся. И банк на столе немаленький – целая горка мелочи, а мятых бумажных купюр еще больше.

Николай карту взял. Туз ему пришел бубновый. Банкомет на него посмотрел вопросительно, ну Данилов и рявкнул:

– На все!

– В банке с вашими двести пятьдесят шесть рублей будет, – сказал вдруг приклатненный мужичок, сидевший напротив.

– Да-да, – закивал банкомет. – Коли перебор у вас случится, чем отвечать будете?

– Да ты не переживай, – усмехнулся Николай. – Я отвечу.

– Ну-ну, – скривился мужичок, а банкомет ему карту сдал.

Девятка пришла, итого – двадцать.

– Себе, – сказал Данилов, карты рубашками вверх на стол положил и рукой прикрыл.

– Ну, – оскалился банкомет, – себе не вам, перебора не дам.

Вскрыл свою карту, а там тоже туз.

«Хреновенько», – подумал Николай, но виду, конечно, не подал.

– Айн, цвай, десятка вылезай, – прошептал банкомет и карту из колоды потянул.

– Валет, – выдохнул мужичок. – Тринадцать.

А банкомет уже другую карту рядом положил.

– Дама, – крикнул мужичок и добавил:

– Ши-ши, короля ишшы!

А банкомет очень внимательно на Данилова посмотрел... подумал... затылок почесал. Потом через левое плечо плюнул и третью карту потянул.

– А вот и он! – заржал мужичок, словно это он банк сорвал. – Родименький!

И перед банкометом на стол лег красавчик крестовый король.

– Как заказывали, – нервно хихикнул банкомет. – Двадцать!

Николай раздраженно швырнул свои карты на стол.

– Ого! – взглянул на них приклатненный. – Да ты снайпер, Аркаша! Просто по глазам! Настоящий ворошиловский стрелок! В пользу банка! – и похлопал банкомета по плечу.

А тот на Данилова посмотрел и раскрытую ладонь протянул.

– Извольте расплатиться.

«Ох, и нагорит мне от Горыныча», – подумал Данилов. – «Но он сам эту легенду разрабатывал».

– Не извольте беспокоиться, – в тон банкомету ответил Николай. – За нами не заржавеет.

Руку во внутренний карман рабочей блузы-инженерки запустил и... портмоне там не обнаружил. «Насадил», – подумал он. И еще одна мысль промелькнула: «Приплыл!».

– Ну? – нетерпеливо сглотнул слюну банкомет.

А в голове Николая зароились мысли. И все нехорошие: «Где? Скорее всего, в трамвае... Там ту пятерку доставал... Когда?.. Когда выходил... У дверей толкучка образовалась, на Сталинском проспекте много заводских на пересадку выходит... Как?.. Толкнули меня в тот момент... Почему не почувал?.. Занят был. Навалились так, что едва за поручень удержался. Не до карманов в такой момент... Теперь не выпустят!» И еще одна мысль пришла, самая гадкая: «Что теперь делать?».

– Ну, гражданин инженер, – банкомет встал и руку в карман сунул.

«Нож у него там... Чую, нож...»

– Расплачиваться будем?

– Карточный долг, он выше долга родине, – приблатненный сплюнул прямо на пол и на Николая прищурился.

– А чего же не расплатиться-то, – привстал Данилов и рукой как бы невзначай спинку стула зацепил.

«Если что, отмахнуться можно будет... Потом – сапогом в столешницу, чтобы второго придавить. Третий – ссыкло, навряд ли вяжется. На него прицокнуть, так он и не рыпнется. А вот четвертый... Тот, что на диванчике присел да ножкой покачивает... От того можно всего ожидать. Хреновенько.»

– Да, что вы, ей-богу, – это тот, что на диване, голос подал. – Товарищ вполне платежеспособен. Вот, Николай Архипович, не вы ли портмоне обронили?

И Данилову его же кошелек протянул.

– Вот вам и здрасте, – Николай портмоне взял. – А все из-за этих, чтобы им пусто было!

– Гы-гы... – хохотнул тот, что у этажерки. И непонятно было, то ли его так находка развеселила, то ли в бутылке глоток самогона разглядел, то ли это у него от страха так.

А Николай спокойно портмоне раскрыл, двадцать пять червонцев отслюнявил и шесть целковых мелочью на банк бросил.

– Вот это я понимаю! – хлопнул себя тонкой ладошкой прирожденного щипача приблатненный. – Ты чего, Аркаша, стоишь, глазенки выпучил? – окликнул он ошалевшего от таких денег банкомета. – Стук у тебя, милай. Не зевай – раздавай.

«А ведь я тебя, щусенок, еще в трамвае срисовал, не догадался... Минус мне...», – подумал Данилов и уже спокойно обратно на стул сел.

– А я-то подумал, что по дороге потерял, – сказал банкомету. – Благодарствуйте, – кивнул нежданному благодетелю. – В наше время честный человек – большая редкость. А вы откуда меня по батюшке? Мы знакомы?

Но тот ничего не ответил, будто и не расслышал. Так и сидел на своем диванчике.

– Да уж... – сказал чуть оттаявший банкомет и принялся судорожно тасовать колоду.

– Эх! Люблю стук, – весело воскликнул приблатненный. – Все, что со стука снимешь, все твое, Аркаша!

– Ты ученого не учи, – отозвался Аркаша и сдал Николаю и приблатненному по карте. Ну и себе, конечно, одну положил, а потом торжественно по столу постучал и объявил, как массовик-затейник в доме отдыха:

– Стук, товарищи!

Николаю пришел валет.

«Два очка – не одно...», грустно подумалось Данилову. «На клочки меня Горыныч порвет за растрату социалистических финансов. Да еще первая рука... А она, как известно, хуже дурака».

– Мне на соточку взвесь, – сказал он банкомету.

– Э-э-э, гражданин инженер, – погрозил ему длиннющим пальцем приклатненный. – На стук либо все, либо ничего.

– Кто сказал? – ухмыльнулся Данилов.

– Закон заведения, – это хозяйка стекла от разбитой стопки наконец-то подметать начала.

– Ладно, – кивнул Николай. – На все, так на все.

– Вот это я понимаю, – загозил шустрыми пальчикам щипач, а Аркаша даже крикнул от удовольствия.

– Мамка, водки дай, – сказал вдруг выпивоха, а хозяйка ему в ответ кукиш показала.

– Так, получите, – банкомет швырнул Данилову карту через стол.

Дама. Итого – пять.

– Еще.

И новая карта прошуршала по замызганной скатерке.

Король.

Девять.

– Еще.

И опять дама пришла.

Двенадцать.

– Еще.

– Во зачастил! – воскликнул щипач радостно. – Аркаша, отдай ему всю колоду. Пусть сам с собой в пьянюшку играет.

Но банкомет скривился и еще одну карту Данилову выдал.

Николай приподнял уголок над столом, заглянул: «Как так?!». Третья дама пришла.

Пятнадцать.

Следующей картой был валет.

«На семнадцати дальше не идут», вспомнил он, как учил его играть в карты один приморский шулер.

– Еще.

Банкомет даже рот раскрыл. Помешкал немного, но карту дал.

Посмотрел на нее Данилов и одну за другой все шесть карт на стол выложил. И седьмую, последнюю, перевернул. А с нее улыбнулся банкомету все тот же красавец крестовый король.

– Очко, – сказал Николай и за банком потянулся.

Не стерпел Аркаша. Тысяча рублей – четыре месячных рабочих оклада – из-под носа уплывает. Вот у него душа и затосковала. Ножик словно сам из кармана в руку прыгнул. Хозяйка взвизгнула коротко. А выпивоха пустую бутылку об стол грохнул и розочкой Николаю в шею уперся.

– А ну-ка ша! – раздалось с диванчика, и в комнате повисла тишина.

– Все по закону, Аркаша, – сказал щипач. – Так что перышко-то спрячь. Не ровен час, порежешься, – и из-под стола револьверный ствол показался, как раз напротив Аркашиной ширинки. – Гражданин инженер у тебя по-чесноку банк сорвал, так что стук твой окончен.

– Мамка! – крикнул выпивоха, и острая розочка царапнула Данилову кожу на горле. – Мамка! Водки дай! Подпишу ведь коммуниста!

– Хорошо-хорошо, Владленчик, ты только стеклышко мне отдай, – тихо сказала хозяйка. – А я тебе самогончику налью.

– Водки! – взвизгнул Владлен.

– Водки, – согласилась хозяйка, и осторожно его за руку взяла.

Выпивоха нехотя розочку ей отдал и обратно к этажерке отшатнулся, словно он тут совсем ни при чем.

– Вы уж его простите, – шепнула Данилову хозяйка. – Он у меня так-то смирный. В честь самого Владимира Ленина назван.

– Деньги-то забирайте, Николай Архипович. Они вами честно заработаны, – встал с дивана загадочный тип. – Пойдемте, мы вас до дому проводим. Нынче ветрено. Не дай бог, еще простудитесь.

Так Данилов познакомился с Нехлюдовым и его подручным Кешкой-карманником – странной парочкой, работавшей на немецкую разведку.

Николай, конечно же, вначале немного покочевряжился, но потом дал себя завербовать. Сошлись на том, что Данилов будет давать отчеты о работах по объекту «Стрела», делать копии чертежей узлов нового самолета, интересных абверу, и передавать их Нехлюдову через Кешку. В свою очередь Нехлюдов через того же карманника будет снабжать Данилова деньгами.

Они немного поторговались насчет суммы вознаграждения и, в конце концов, сошлись на тысяче рублей в месяц.

– К вашему окладу в шестьсот рублей это будет неплохим приварком, – сказал на прощание Нехлюдов Николаю.

На том они и расстались.

Через три дня на конспиративной квартире Горыныч довольно потирал руки:

– Об операции доложено в Москву и получено добро на ее проведение. Сам замнаркома¹³ одобрил.

Ох и игра затеялась! Такая игра...

И эта большая игра затянулась на два с лишним года. И притом всем было интересно и хорошо. Нехлюдов отправлял данные в Германию. Данилов гнал ему хорошо подготовленную дезинформацию, Горыныч подсчитывал немецкие деньги, которые теперь можно было использовать против врагов Советского Союза.

Постепенно Николай все глубже проникал в структуру немецкой агентуры. Ему все больше доверяли и ценили. В итоге Данилов узнал, что воронежская сеть напрямую связана с московской, а ниточки ее тянутся в посольство Германии. К сожалению, ему так и не удалось подобраться к резиденту абвера. Даже имени его узнать не получилось.

Наконец, пришло время поставить все точки над «i». Тем более что для этого подвернулся весьма подходящий случай. После проведения серии испытательных подлетов, самолет решили переправить в Жуковский, чтобы там провести контрольные продувки в аэротрубе. «Стрелу» разобрали, загрузили на автомобиль и отправили в Москву. Сопровождал секретный груз Данилов.

Не без труда Николаю удалось подкинуть Нехлюдову мысль о возможности похищения самолета. Тот долго связывался с резидентом, взвешивал все «за» и «против», ведь для такой дерзкой акции нужно был задействовать германскую шпионскую сеть в обоих городах и на пути от Воронежа до Москвы. Данилов несколько раз думал, что ничего не получится, но резидент согласился с доводами Нехлюдова и сам решил возглавить операцию, о чем Кешка сообщил Николаю накануне его отъезда.

Все это время они с Горынычем разрабатывали план контроперации. Казалось, предусмотрели все. Но всего не предусмотреть... В результате Николай оказался в крошечной комнате дежурного на маленьком колхозном аэродроме, где-то между Сергиево и Кукуем,

¹³ В то время этот пост уже занимал Берия

в пяти километрах от того места, где ждала засада НКВД. Вместе с Даниловым в той комнате оказались еще четверо. Кроме Нехлюдова с Кешкой там был еще резидент, который представился Иваном Степановичем, – роста среднего, возрастом за пятьдесят, без особых примет, если не считать черных кожаных перчаток, полувоенной фуражки и просторного прорезиненного плаща. С ним был телохранитель – здоровенный бугай совершенно бандитского вида. Рядом с громилой высокий и худой Нехлюдов казался еще худее.

Бугай держал в руках вальтер, который своим дулом упирался Данилову в лоб.

– Так что, товарищ Данилов, – сказал Иван Степанович спокойно и безразлично, – можете молиться своему пролетарскому богу, – скривился презрительно и кивнул бугаю: дескать, в расход.

Толстым, как свиная сосиска, большим пальцем бугай взвел курок, а указательным уже почти надавил на спусковой крючок... Почти... надавил...

Не успел.

Данилов резко отбил руку с направленным на него пистолетом, другой сгреб за шкуру коротышку-щипача и швырнул его на бугая. Пуля ударила в потолок, осыпав всех белой известкой. От выстрела у всех на секунду заложило уши. Николай врезал Нехлюдову носком сапога под коленку. Тот так и не смог достать наган из-за пояса бриджей, охнул и подломился. Удар локтем под дых и второй – ладонью в нос, окончательно вывели его из строя.

Иван Степанович запутался рукой в складках плаща и все никак не мог отыскать карман. Его глаза были полны ярости, а презрительная ухмылка превратилась в звериный оскал.

Данилов бросился к нему, но на пути встал шустрый Кешка. Карманник растопырил длиннющие пальцы и выкинул руку вперед, стараясь выколоть чекисту глаз. Данилов отшатнулся, но щипач все же достал его. Средний палец мазнул по щеке, оставив глубокую царапину на коже, и попал в полуоткрытый рот Николая. Тот машинально сжал челюсть и мотнул головой. Кешка на миг опешил, потом удивленно посмотрел на то, как кровь капнула на его лаковый штаблет, взглянул на руку, глаза его закатились, и он как куль обрушился вниз.

Вовремя.

Бугай прицелился в Данилова, но тот плюнул ему в лицо откушенным пальцем. Неожиданное падение Кешки и брызги кровавой слюны заставили бандюгу опустить глаза. Этого хватило, чтобы Николай успел схватить со стола тяжелый телефонный аппарат и двинуть им бугая промеж глаз. От удара тот отлетел к стене, врезался затылком в дверной косяк и ополз.

А немецкий резидент правой рукой легко подхватил тяжелый табурет, замахнулся и, чтобы сподручней было ударить, чуть вытянул вперед левую. Николай цепко схватился за прорезиненный рукав, ввернулся под ноги Ивану Степановичу, упал на колени и потянул шпиона вниз, пытаясь перебросить через себя. Рукав затрещал, и Данилов вдруг осознал, что отрывает этот рукав от плаща, а вместе с ним отрывает и руку. Он успел удивиться, прежде чем получил страшнейший удар по затылку.

Теряя сознание, Данилов услышал на улице шум, потом досадливый вздох, стук двери, и уже проваливаясь в пустоту, рефлекторно прижал к груди оторванную руку немецкого резидента.

Только через несколько дней в больнице, когда Николай немного пришел в себя, Горыныч рассказал ему, как догадался, что вражеские агенты изменили место посадки немецкого транспортного самолета. Как ребята лихорадочно соображали, куда вражины могут отогнать грузовик со «Стрелой». Как кто-то вспомнил про этот аэродромчик, и они мчались напрямую – сквозь перелесок и через колхозные поля. Как увидели трех шпионов, разбросанных по полу дежурной комнаты, а среди них бездыханного Николая.

– Немецкий самолет так и не сел, – рокотал Горыныч, – покружил и убрался. И эта сволочь однорукая ушла. Зато мы всю агентурную сеть от Воронежа до Москвы одним разом взяли. Нехлюдов уже на Лубянке показания дает. Так что вот, – протянул он Данилову синий

картонный кубик-коробку. – Это тебе от нашего отдела, товарищ старший лейтенант госбезопасности. Всем коллективом... так сказать... Открывай.

Данилов открыл коробку.

В ней на синей бархатной подушке лежали часы.

– Настоящие! – расплылся в улыбке Горыныч. – Швейцарские. С самовзводом. Рукой машешь, а они заводятся. Прикинь! А еще дату показывают и месяц. Правда, месяц немецкими буквами, но, думаю, разберешься.

– Спасибо, – сказал Данилов, разглядывая подарок.

– Это тебе спасибо. На отдел благодарность пришла от самого наркома.

– А водитель как? – спросил Николай.

– Ты его не сильно... Оклемался уже и велел передать, что зла на тебя не держит. А вот двух ребят из охраны «Стрелы» мы потеряли.

И уже на выходе из палаты хитро подмигнул Николаю:

– Мы тебе ту руку протезную в подарок хотели, но нельзя, вешдок, – и рассмеялся.

А вечером врач сказал ему:

– Ваша черепно-мозговая травма оказалась несколько серьезнее, чем мы предполагали.

Вот прочтите, что тут написано, – и листок с каким-то текстом протянул.

– Не могу, – сощурился Данилов. – Расплывается все.

– А вы поближе к глазам поднесите.

– Не вижу.

– А еще ближе.

– Да. Вижу.

И прочитал:

– «Два килограмма сахара на два килограмма малины». Что это?

– Проверка, – ответил доктор, листок забрал и в карман халата сунул. – Ну ничего. Мы вам очки выпишем. От очков еще никто не умирал.

Через месяц Данилов вышел из больницы. Уже в очках. Прав был доктор, от очков не умирают. Сперва непривычно было, потом освоился.

Горыныч его от оперативной работы отстранил, велел пока старые дела в архив подшивать. А чтобы скучно товарищу старшему лейтенанту не было, он ему в помощники сержанта Гришу прикомандировал. Веселый парень оказался. Разговорчивый. Так они с ним два месяца и проработывали.

А потом пришел вызов из Москвы...

И стоит теперь Данилов в служебном туалете известного на всю страну дома на Лубянской площади, смотрит на себя в зеркало, вспоминает свою прошлую жизнь и думает: «В чем тут подвох? Как всесильный нарком не сумел человека в стране найти? Да ему же только пальцами щелкни... Что-то тут не так... Что-то не так».

Данилов сполоснул руки, умылся, утер лицо казенным полотенцем, тщательно протер очки, тронул карман, в котором талисман лежит, выдохнул резко, чтобы усталость стряхнуть, и вернулся к себе. В приемной попросил сержанта решить вопрос с расквартированием и довольствием и прикрыл за собой дверь кабинета. Стол уже был прибран.

«А и вправду малец далеко пойдет».

Отомкнул несгорайку, достал оттуда папку. Сел за стол, положил папку перед собой, снял надоевшие уже тесные сапоги и блаженно улыбнулся, шевеля пальцами ног: «У-у-у, хорошо...». Потом поправил очки: «Как же так? Зачем же он меня из Воронежа сюда перевел? Неужели здесь никого не нашлось? Чего он хочет?»

Раскрыл папку и посмотрел на фотографию, прикрепленную железной скрепкой к единственному листку дела, на котором было выписано несколько адресов. На не слишком четкой старой карточке, снятой где-то на лесной поляне, было четырнадцать человек. Двое мужчин в полувоенных френчах. Один из них бывший офицер – по выправке видно, и бинокль у него на груди висит командирский, и стоит обособлено, словно за взводом своим бдит. Второй – какой-то мешковатый, будто френч на нем с чужого плеча. Трое штатских: мужики не крупные и на вид приличные. Еще один, одет как будто в кухлянку... Так и есть – кочевник. В середине ребенок и несколько деревенских баб в странных нарядах. Левее явно городская – красивая женщина в светлом пальто, вязанном кашне в крупную полоску и большим смешном картузе. А чуть ниже и ближе, опершись головой на руку, полусидит-полулежит очень приятная лицом девушка, одетая в распахнутый тулуп: простоволосая, коротко стриженная, глаза посажены достаточно глубоко, брови красивые, лицо худое – но это ее не портит, нос прямой, подбородок острый. Ее изображение было обведено химическим карандашом, а рядом разместился маленький синий вопросительный знак.

И вот что интересно – все на снимке смотрят в объектив камеры, а она, задумчиво, куда-то в неведомые дальние дали...

– Так зачем же ты понадобилась наркому внутренних дел? – спросил Данилов, вглядываясь в лицо девушки, словно фотокарточка могла ему ответить.

Николай взглянул на листок, подшитый к делу. В самом верху было разборчиво и аккуратно выведено: «Юлия Вонифатьевна Струтинская».

Капитан закрыл дело, с тоскою посмотрел в окно и тихо прошептал:

– И кто ты вообще такая?

– Ну? Вы так и не узнали, зачем на самом деле она ему понадобилась? Какой вы молодец. Если честно, то я не была уверена, что эту загадку вы отгадаете до конца. Потом поделитесь, хорошо?.. Кстати, вы не находите, что здесь немного душно? Нет, прошу вас, не открывайте окно. Меня от сквозняка будет ужасно мучить насморк. А разве вам нужна шмыгающая носом соседка по купе? Но все же, не мешало бы немного освежиться. Вы не будете возражать, если я недолго постою у окна в коридоре? Я даже дверь в купе не буду закрывать. А может, и вы со мной? Тогда я вам расскажу одну занятную историю...

глава 3

...Свет... тьма... свет... тьма... свет... тьма... И уже потом она поняла, что это – день и ночь. И от осознания этого стало грустно...

«Среди грохота, пены и шума,
Словно пение наших сердец,
Звонко-острые стрелы Амура
Миру старому прочат конец...»

Стишки были дрянные, да и сам поэт был каким-то ненастоящим: плюгавенький и скучный, он подвывал надрывно и протяжно. В такт своим виршам притоптывал затянутой в узкие клетчатые брюки-дудочки худой ножкой. И все время затравленно оглядывал зал, словно опасаясь получить оттуда по физиономии гнилым помидором.

Только помидоров в ту пору не было. А еще не было мяса, молока, масла, круп, да и хлеба оставалось в городе всего на три дня.

Зато была осень.

На улицах, в домах и в душах людей было холодно, голодно, слякотно и кроваво.

Восемнадцатый год. Петроград. Вечер.

В переполненном актовом зале бывшего собрания господ офицеров, а ныне клуба революционного Балтфлота, яблоку негде было упасть. Выпить нечего – сухой закон в Питере. Ежели кого пьяным заметят, тут же к стенке поставят и шлепнут. Нет, брат, шалишь, дураков в другом месте поищи.

А вот «кокосу» занюхнуть, это – пожалуйста. Властью не возбранялось, тем более что братва этого добра много по аптекам наэкспроприировала. Вот и растягивали революционные моряки длинные белые дорожки прямо по мраморному подоконнику курительной комнаты. В тяжелых портьерах, в красной бархатной занавеси над резными дверями, как теперь ее называли, «курилки» еще остался тонкий аромат дорогих кубинских сигар. И сколько не дымили морячки махрой, но дух навсегда ушедших времен вытравить оказалось не так уж и просто.

Но красных балтфлотцев это не сильно смущало. Они шумно втягивали носом «снежную пыль» и крикали смачно, точно стопку на грудь приняли. Раньше этой дурью заморской все больше господа офицеры развлекались, только господ уже год как нет. И офицеров пачками расстреливают и в заливе связками топят. Говорят, в Петропавловке весь двор штабелями из «бывших» завален. «Красный террор» называется.

А еще тут тепло и светло, да и пожрать дают ближе к полуночи. По селедке на нос и хлебца-черняшки пополам с отрубями, правда, только осьмушку в руки. Хлеб пекли прямо здесь, на кухне, и крепкий хлебный дух перемешивался с крепким моряцким табачным, щекотал ноздри и заставлял бурлить отошавшие животы революционного морского воинства. Потому каждый вечер набивался просторный дом на Литейном по самый шпиль.

– Слышь, Карась, а про товарища Урицкого ты все брешь!

– Да я за что покупаю, за то и продаю! – взвился молодой морячок, громко хлопнув сиденьем кресла.

Поэт на сцене смешно подпрыгнул, словно услышал звук выстрела, оборвал стихи на полуслове и затравленно рванул за кулисы. Вслед ему засвистели, заулюлюкали и застучали ботинками по ножкам бархатных кресел.

– Селедки ему не давать! – гаркнул какой-то комендор из второго ряда. – Не заслужил, с-с-сука!

Этот выкрик был воспринят публикой весьма позитивно. Кто-то захлопал в ладоши, а кто-то пальнул из нагана в воздух, но тут же был усмирен товарищем – звонкий удар в ухо отрубил дебошира, тот выронил оружие и кулем осел между спинками кресел. Это вызвало еще большее оживление в зале. К тому же один из красногвардейцев, строго следящих за порядком в клубе, рванулся к месту происшествия, но споткнулся – то ли о складку замызанной ковровой дорожки, то ли о выставленную кем-то ногу – и с грохотом покатился по проходу.

Но молодой морячок, казалось, не заметил всей этой кутерьмы. Он был задет за живое и очень обиделся на неверие товарищей.

– Да, чтоб мне крабом подавиться! – рубанул он рукой воздух. – Вот ты, товарищ Кузминкин, сам рассуди, на кой ляд мне врать-то?! Человек, который мне про эти шуры-муры рассказал, надежный и проверенный. Мы с ним не один пуд соленой водицы вместе выпили...

– Ну... ты, ладно, угомонись, – Кузминкин потянул его за рукав. – А то как вон того рьяного сейчас выведут, – кивнул он на красногвардейцев, волочивших по проходу обмякшее тело бузотера.

– Ладно, – примирительно кивнул молодой и уселся на место.

– Ну? И че? – пихнул его в бок другой моряк.

– Да че... – махнул парень. – Вишь, Канегиссер этот вроде как в любовниках у Урицкого значился. А сам на другого, на Перельцевейга глаз положил...

– А теперь, товарищи! – На сцену вышел усатый боцман. – Известный куплетист, товарищ Амброзий Заливайло исполнит революционные частушки на злобу дня!

И тотчас из-за кулис выскочили двое музыкантов – один с аккордеоном, а другой с семиструнной гитарой, кивнули друг другу и резво вдарили «Яблочко».

Пропустив пару тактов, из противоположной кулисы сноровисто и вертко выкатился пузатенький здоровячек в широченных матросских клешах, в туго обтянувшей круглое пузотельняшке и в маленькой, не по размеру, бескозырке, словно гвоздем прибитой к мясистому стриженному затылку. Казалось, еще мгновение, и бескозырка упадет, но она каким-то чудом оставалась на месте. А танцор, лихо выделявая кренделя ногами, подскочил к авансцене и запел приятным тенором:

«Эх, яблочко,
Куды ты котисси?
В ВЧК попадешь —
Не воротисси!..»

Этот выход произвел впечатление на зал. Моряки одобрительно зашумели и захлопали в ладоши.

– Ну? И че? – снова ткнул молодого сосед.

– Да че... – покосился Карась на сцену и продолжил: – Моисей Ленчика к Володьке приревновал и велел Перельцевейга к стеночке приставить, кирпичей понюхать. Ну а Ленчик от любовного томления в дорогого Моисей Соломоныча и пальнул. Так и не стало пламенного революционера товарища Урицкого.

– Вот ведь... – вздохнул любопытный сосед, – любовь... – и тихо хихикнул.

А товарищ Кузминкин сказал:

– Ты, это... помалкивал бы. А то язык длинный до добра не доведет, – и покосился на сидящего чуть поодаль молоденького мичмана с кроваво-красной атласной лентой, пришитой прямо на тулью фуражки.

Станным был тот мичман. Вроде годами не богат, а сидит, словно дед старый – скрючился весь, скукожился, то ли спина у него болит, то ли геморрой донимает. Вон и вместо кокарды у него на околыше дыра. Точно пулю мичману всадили промеж глаз. И взгляд у него какой-то скользкий. То ли ветром в глаза надуло, то ли заплакать хочет.

Кузминкин его вроде даже признал, а вот где они виделись и зачем, он никак вспомнить не мог. Это как слово, которое вертится на языке. Кажется, еще чуть-чуть и ухватишь его за шершавый хвост, и оно сорвется с губ, и станет сразу все так ясно и просто. Только не дается оно, никак его не вспомнишь и не прищепишь, и оттого все сложно вокруг и запутано. Так и лицо этого товарища: склизкое оно и потому – подозрительное.

Но напрасно переживал товарищ Кузминкин, мичману было не до бабских сплетен. Он не слышал, о чем там судачила матросня. Он и куплетиста-затейника, что залихватски резвился на сцене, практически не слышал. Не до того ему было.

В нем сидел страх.

Животный страх.

Так, со стороны, в глаза не бросалось, но на самом деле товарища мичмана била мелкая дрожь.

«Они меня убьют». Эта пакостная мыслишка никак не хотела убираться из его головы: «Они меня обязательно убьют».

И его действительно хотели убить. Всего три месяца тому назад в Киеве, прямо на Крещатике, в него всадили шесть пуль. Две, слава богу, по касательной, а одна – навывлет. Но три пришлось доставать. Благо пистолетик был маленький, браунинг дамский. Пули – что твои дробинки, только местных громил пугать. Доктор смеялся, когда их выковыривал:

– Они бы еще солью в вас пальнули. Хохлы – как дети, право слово! Им только спички давать нельзя – обожгутся...

А когда уже пошел на поправку, в больничное окно бросили бомбу. Сиганул он тогда с кровати горным бараном да за дверь выскочил, оттого и в живых остался.

Вот тогда и пришлось ему в Рыбинске спрятаться да раны там потихоньку зализывать. Только в схороне долго сидеть стало скучно. А тут еще оказия подвернулась – путину закончили, он все дебеты с кредитами подогнал, и у молодого счетовода пара дней свободными оказались. Вот он в Питер и рванул.

В Москве его кто-то опознал, хоть он себе усы наклеил и рыжий парик нацепил. Пасти стали. Как волка загонять.

Сперва он решил, что они его потеряли. Особенно после того, как в загаженной уборной Николаевского вокзала сменил личину, запихнул осточертевший парик в щель между облупленным зеркалом и грязной, исписанной похабщиной стеной. Проморгали его в тот раз.

Ему даже понравилось, как он чинно прошелся мимо незадачливого соглядата, который глаз не спускал с двери уборной, а от наглого мешочника только отмахнулся... Но, видимо, все же выпасли. Только за прошедшие сутки его дважды пытались убить.

Первый раз вчера, в забитом мешочниками поезде, когда он добирался из Москвы в Питер. Тогда он еще не был мичманом. Никто из попутчиков не мог бы отличить его от остальных спекулянтов. Замызганный зипунишко, кепка с рваным козырьком, большая торба, которую он опасливо прижимал к груди, и грязная тряпица, обмотанная вокруг щеки, словно у него разболелись зубы, надежно, как ему казалось, скрывали его. Он ошибался. И понял это, когда почуял на себе чей-то пристальный взгляд.

Чуть отпустив от себя торбу, набитую этой самой мичманской формой, двумя пистолетами, патронами и снедью, он нагнулся, словно поправляя онучи, и украдкой взглянул назад, в дымное марево переполненного вагона. Так и есть. На деревянной скамейке боковой примостился подозрительного вида типчик в сером, не по размеру большом армяке и офицерской фуражке. Он усиленно делал вид, что внимательно смотрит в заляпанное грязью вагонное окно. Слишком внимательно.

А тут еще хлопнула дверь тамбура, и в проходе показался вооруженный патруль.

– Граждане, приготовьте документы! – перекрикивая гомон, скомандовал старший, и от этого в вагоне стало совсем шумно и суетно.

Эта суматоха была как нельзя кстати.

Мичман сорвался с места и быстро засеменил к противоположному от патруля тамбуру.

– Куды прешь, нелюдь! – дородная бабища обширным пузом загородила проход.

– Отвали, лахудра! – зашипел на нее мичман и двинул торбой.

Баба охнула, сверкнула толстыми ляжками в синих прожилках вен и опрокинулась под ноги взбудораженным мешочникам. Не раздумывая ни мгновения, мичман наступил на нее, оттолкнулся и рванул сквозь людей к спасительной двери тамбура.

– Раздави-и-и-и-ли! – резанным поросенком заверещала бабища.

– Куда же ты, гражданин Владимиров?! Стой, падла! – этот окрик заставил мичмана вжать голову в плечи и прибавить ходу.

А за спиной раздался сухой щелчок, словно кто-то кнутом щелкнул, а потом еще один. Свиста пуль мичман не услышал. Только краем глаза заметил, как рядом молодой парнишка ойкнул, взмахнул рукой, осел и уставился на красное пятно, что расплзлось по его почти новой косоворотке.

– Он меня убил... – прошептал удивленно парень и умер.

«А хочет убить меня!» – страшная мысль обожгла Владимирова словно кипящим маслом, и сбежать из набитого телами вагона захотелось еще сильнее.

И в этот миг громкий хлопок заглушил крики перепуганных людей, бабий визг, детский плач и даже стук вагонных колес. Волна от выстрела ударила мичмана по ушам, шибанула в нос горелым порохом, и стало очень тихо.

Он обернулся и увидел того странного пассажира, что пялился в загаженное окно и делал вид, что ему очень интересно. Человек привалился к стенке. Фуражка с него соскочила, обнажив плохо стриженую голову. В его правом виске дымилась большая круглая дыра, а левого виска у него не было. Как, впрочем, не было и всей левой половины головы. Она была разбрызгана по стене и окну и медленно стекала вниз кровавыми ошметками.

Рядом с убитым валялся браунинг.

Один из патрульных в потертой кожаной куртке и черной фуражке железнодорожника стрельнул из трехлинейки почти в упор.

Старший патруля окинул взглядом притихший вагон и сказал:

– Ша! Граждане, приготовьте документы для проверки! – А потом подмигнул своему напарнику: – Лихо ты его.

– А чего он тут пистолетиком размахался, – ответил железнодорожник и деловито перевернул затвор.

Стреляная гильза со звоном ударилась о перегородку вагона, попыталась закатиться под лавку, но уперлась в чей-то пухлый мешок.

– Картошку везете? – спросил патрульный сидевшего над мешком мужика.

– Агась, картоплю, – поспешно закивал мешочник и украдкой перекрестился.

– И чего хочешь взамен?

– Так ведь... – испугано проямлил мужик, но старший патруля перебил его.

– А ну-ка, обыщи убиенного.

– Я? – удивился мешочник и закрестился уже открыто: – За что же, граждане?.. А может, картопли вам отсыпать... – с робкой надеждой взглянул он на патрульного.

– Я сказал – давай!

– Агась... – кивнул мужик, боязливо покосился на размазанные по стене вагона мозги, быстро обшарил карманы трупа и полез убитому за пазуху.

Все это время в ошалевшем от страха вагоне стояла тишина. Только колеса мерно стучали на стыках, да возле убитого паренька тихо причитала невесть откуда взявшаяся монашка.

– Вот, – тихо сказал мужик и протянул старшему патруля выуженную из под армяка бумажку.

Старший взял ее:

– Мандат... – пробежался глазами, хмыкнул. – Эсер, – скривился он.

– Тут вон еще... – мешочник выудил второй сложенный листок.

Железнодорожник его развернул и прочитал бегло:

– Постановление центрального комитета партии социалистов-революционеров номер шестнадцать дробь четыре... Приговорил провокатора и предателя дела партии Владимира Константина Константиновича к смертной казни... Приговор привести в исполнение безотлагательно и при первой же возможности...

– Выходит, казнили, – понимающе посмотрел на патрульных мужик-мешочник. – А этот, – кивнул железнодорожник на убитого паренька, – выходит, Владимир?

– Скоро станция, там разберемся, – сказал старший патруля и спрятал в карман листок. – Я последний раз говорю, граждане, приготовьте документы для проверки!

Только тут Владимир понял, что смерть обошла его стороной. Он вздохнул и достал из торбы мандат о срочном вызове в петроградский комитет кооперативных работников младшего счетовода рыбинской артели «Красный рыбарь» Исаева Максима Максимовича...

А вы-то сразу и не догадались, что мичман был совсем не мичманом? Да это и немудрено. Вот уж кто умел личины менять, так это он... Владимир Константин Константинович...

Он тогда счетоводом значился. Тихоньким таким бухгалтером, застенчивым и скромным. Между прочим, дочка председателя артели на него с большим интересом поглядывала...

Его же эсеры к смерти приговорили как провокатора, а ВЧК – к расстрелу. Вот он в рыбачьей артели и отлеживался. Ему бы там еще с полгодика... а он не выдержал, в Петроград помчался, чтобы с ней повидаться...

Второй раз Владимира, или, как он теперь значился по документам, Исаева, пытались убить сегодня...

– Вы за нее не беспокойтесь, товарищ чекист, – Бехтерев тряхнул гривой густых длинных волос. – Мы делаем все, что в наших силах... Заметный прогресс... Весьма заметный... Вы же видели.

– Да, Владимир Михайлович, я вам полностью доверяю, – Константин кивнул и невольно поморщился.

Резкая боль ударила в висок, и в глазах на мгновение стало темно.

– Что с вами? – озабоченно спросил Бехтерев.

– Это так, – ответил Константин. – Контузия. Пару месяцев назад в Киеве бомбу кинули...

– Вы ранены?

– Три пули из меня вытащили, но теперь все в порядке... До свадьбы заживет, – улыбнулся чекист.

– В газетах писали...

– Врут! – отрезал Владимиров. – Вот только контузия...

– Позвольте вас осмотреть.

– Не стоит... Со мной все в порядке, – он натянул на голову мичманку с кровавой атласной ленточкой, пришитой к тулье. – Мы с товарищем Дзержинским очень надеемся на положительный результат. Вы понимаете, товарищ Бехтерев?

– Конечно-конечно, – профессор оправил полы халата, – передайте Феликсу Эдмундовичу, мы очень стараемся.

– Хорошо, Владимир Михайлович, – сказал Владимиров и добавил: – У меня тут обстоятельства возникли... Так что даже не знаю, когда смогу вас снова навестить...

– Понимаю, – Бехтерев бросил быстрый взгляд на мичманскую форму Константина. – Работа есть работа...

– Вот за что я вас, генерал, уважаю, – Константин Константинович внимательно посмотрел профессору в глаза, но тот взгляд выдержал. – За то, что вы очень понятливый человек.

– Что же, – Бехтерев встал из-за стола и протянул Владимирову руку. – Не смею вас задерживать. А меня пациенты ждут.

Константин поспешно вскочил со своего стула, пожал протянутую руку и решительно зашагал из кабинета, но вдруг остановился, обернулся и посмотрел на доктора, словно побитый щенком:

– Владимир Михайлович, ради бога... Ежели со мной что... Вы уж пригляните за ней...

– Хорошо, Костя. Не беспокойтесь.

Владимиров вышел из здания Института мозга, прошел через маленький аккуратный садик, выбрался на Миллионную улицу и зашагал в сторону бывшего Марсова поля, а ныне площади Жертв революции.

«Лев! Сущий лев», – подумал Владимиров о Бехтереве. – «Он ее не оставит...»

Но тут его размышления прервал резкий звук выстрела, и совсем рядом в дерево ударила пуля.

«Опять!»

И Костя рванул что было мочи.

Прежде чем он бегом пересек открытое поле и добежал до Летнего сада, еще один выстрел заставил втянуть голову в плечи. Он сайгаком метнулся в сторону, и пуля только смачно чавкнула, врезаясь в столб решетки. Костя обернулся и заметил стрелявших. Их было двое. Один в черной кожанке и автомобильном картузе, другой – в короткой кавалерийской тужурке и белой засаленной «спортсменке». Тот, что в картузе, припал на колено и стал выцеливать Владимирова из маузера.

«Нет! Шалишь!» – Костя бросился вдоль набережной Мойки.

Возле моста через Лебединую канавку были люди, но это не смутило убийц. Два сухих хлопка, и народ бросился в рассыпную. Это помогло Владимирову благополучно пересечь мост и припустить вдоль решетки Летнего сада в сторону Фонтанки.

Уже на Пантелеймоновской он понял, что погоня отстала, но страх заставлял его бежать дальше. На бегу он пару раз пытался свернуть во дворы, но проходы были наглухо закрыты, и Владимиров, ругая всех и вся, мчался вперед, стараясь как можно дальше оторваться от убийц.

Кто они? Зачем они так? Косте было все равно. Они хотели его смерти, и этого было достаточно.

Наконец он свернул на Литейный, добежал до клуба революционных моряков, перед которым как раз начали собираться те самые революционные моряки на ежевечернюю порцию хлеба и зрелищ. Мичманская форма оказалась как нельзя кстати, и он проворно юркнул в толпу.

Его пропустили в клуб, и только тут он почувал себя в безопасности.

– Вот суки! – прошипел он тогда и напрямик направился в уборную.

Тут какой-то щедрый кочегар залихватски опрокинул жестянку из-под монпансье на подоконник и крикнул на всю уборную комнату:

– Налетай, товарищи! У нас нынче богато кокос уродился!

Когда в ноздри брызнула морозом добрая порция кокаина, его отпустило.

Константин зашел в полупустой зал, уселся посредине последнего ряда и совсем успокоился.

Но потом начался концерт, в зал набилась матросня, и к Косте вновь вернулся страх.

А на сцене соловьем заливался Амброзий:

«Эх, яблочко,
Да в рваной кепочке!
Становись, буржуй,
Прямо к стеночке...»

И вспомнилось мичману давнее видение – сырость подвальная ему в нос ударила... И человек за спиной засмеялся раскатисто и торжествующе.

– Они меня все равно убьют, – прошептал мичман.

– Вот ведь что шельмец вытворяет! – радостно заорал сосед мичмана, сорвал с головы бескозырку, подбросил вверх, ловко поймал ее, нахлобучил на голову и громко захлопал в ладоши, когда куплетист-затейник растянулся по сцене в глубоком шпагате. – Давай, товарищ! Наяривай!

Это вырвало мичмана из тяжелых дум. Он с благодарностью взглянул на соседа и тоже пару раз хлопнул в ладоши.

Заливайло долго не отпускали. Прямо на сцене ведущий вручил и ему, и музыкантам по свертку «краснофлотского пайка». Куплетист поспешно вырвал сверток из рук ведущего, раскланялся с публикой и с высоко поднятой головой прошагал за кулисы.

– Сколько еще ждать-то? – молодой моряк, прозванный Карасем, нетерпеливо стукнул ладонью по подлокотнику кресла. – А то от духа хлебного в животе урчит.

– Потерпишь, – похлопал его по плечу товарищ Кузминкин. – Сперва лектор выступит. Вначале хлеба знаний, а уж потом и хлеб насущный... Вон в яме оркестровой уже хлеборезы ножами зазвенели... Пайки режут...

– Ох, – вздохнул третий моряк. – Хлеб наш насущный даждь нам днесь... – прошептал, и украдкой перекрестился.

– И надолго эта бодяга? – Карась с неприязнью взглянул на вышедшего на сцену лектора.

– Да не-е, – сказал третий моряк. – Ребят надолго не хватает. Вот на днях тут один сморчок выступал, про это... как его...

– Про размножение бабочек, – подсказал Кузминкин.

– Во-во, – кивнул моряк. – Мне понравилось.

– А эта контра нам про что рассказывать будет? – молодой кивнул в сторону лектора.

На сцену, едва не столкнувшись с куплетистом, вышел человек в тщательно отглаженном офицерском френче, в надраенных сапогах и портупее. На рукаве френча отчетливо виднелась серебристая нашивка о ранении. Только погон не хватало, а так – вылитый враг трудового нарда, из тех, кто скапливает свои черные силы на подступах к колыбели мировой революции.

«Как это так?» – подумал в тот момент Исаев, он же, если помните, Владимиров, он же... А впрочем, всему свое время.

– Кой черт сюда занес эту гниду?! – крикнул Карась и презрительно загудел, словно гудок буксира. – Долой!

И опешившие было морячки подхватили.

Недовольный гудеж наполнил актовую залу бывшего офицерского собрания. Так здесь в последний раз гудели накануне Великой войны, когда подвыпивший Шаляпин объявил господам офицерам, что они глупцы, если ратуют за вступление матушки-России в дурацкую европейскую бойню, и прямо перед выходом отказался давать концерт.

На этот раз гудеж был гораздо сильнее.

– Сволота офицерская!

– Контра!

– Кто его сюда пустил?!

– В ЧК его!

– В Петропавловку!

– Да мы его прямо здесь порешим...

Зал разошелся не на шутку. Красногвардейцы-охранники на всякий случай скинули с плеч винтовки, а один из них передернул затвор. Но люди этого словно и не заметили. Пропитанный ароматом свежее выпеченного хлеба, воздух зала вдруг наполнился тревогой, и Константину показалось, что он кожей чувствует, как ярость здесь набухает, вскипает и вот-вот обрушится на стоящего на сцене офицера.

А человек на сцене снял фуражку, отдал ее боцману и невозмутимо вышел на авансцену. Он с интересом стал разглядывать клокочущий зал. Косте подумалось, что так обычно разглядывают заморских зверушек или пестрых рыбок в аквариуме. Ему стало от этого не по себе, и холодок недавнего страха вновь шевельнулся в животе.

Гул в зале достиг своего форте-фортиссимо, когда офицер вдруг улыбнулся, взъерошил жесткий ежик седеющих волос на голове, пригладил щегольские усы, сладко потянулся, словно только что пробудился ото сна, развел руки широко в стороны и очень громко хлопнул ладонью о ладонь.

Постоял немного и хлопнул второй раз.

Люди в зале совершенно не ожидали такого. Их недовольство словно наткнулось на что-то неправильное, неестественное и совершенно неуместное здесь и в эту минуту...

А человек в третий раз хлопнул звонко и отчетливо, и недавнее негодование зрителей сменилось удивлением и любопытством.

– Чего это он? – перестав гудеть, спросил Карась.

А Кузминкин отчего-то вспотел и прошептал:

– Где же я его видел?

После четвертого хлопка в зале воцарилась абсолютно не свойственная этому месту тишина. Революционные моряки, морские волки, буревестники мировой революции как один в недоумении и ожидании уставились на этого странного офицера.

А он постоял мгновение, словно наслаждаясь звенящей тишиной... Потом оглядел притихших зрителей, зачем-то учтиво кивнул Константинову, отчего тот еще больше съежился и вдавился в спинку кресла, а потом улыбнулся и сказал:

– Спасибо, товарищи, за столь теплый прием.

А потом...

Потом он четыре с половиной часа рассказывал голодным, озлобленным, затуманенным кокаином морякам об истории древних цивилизаций. О том, как в незапамятные годы наши предки достигли коммунизма, и как над всей землей воссияло солнце свободы, равенства и братства. О том, каких высот достигло познание природы в том счастливом и справедливом обществе. Как предки тех самых моряков, которые собрались в этом зале, свободно летали по воздуху на своих огненных колесницах, как накапливали токи самой земли в огромных пирамидах, как силой мысли плавил гранит и перебрасывали невообразимые глыбы на немыслимые расстояния...

– А потом все кончилось, – негромко сказал лектор. – Случилась катастрофа вселенского масштаба.

И зал разочарованно выдохнул.

– Но крупницы знаний древних гигантов сохранились до наших дней, – успокоил моряков лектор. – И мы знаем, где их искать. И мы их найдем, товарищи. Мы с вами их добудем, с их помощью очистим землю от всяческой мерзости, и тогда вновь наступит время всеобщего счастья! Время Всемирной Коммунистической Федерации!

И зал взорвался овацией.

В едином порыве революционные моряки вставали с мест и стоя аплодировали этому странному офицеру, которого еще совсем недавно хотели поставить к стенке, а теперь были готовы идти за ним на поиски знания древних.

Костя с удивлением осознал, что неистово хлопает в ладоши вместе со всеми. В этот миг он почувствовал себя частью чего-то большого и важного, и стало ему очень спокойно. И страх прошел.

– Это знание, – продолжал лектор, как только зал немного притих, – сокрыто в тайных подземельях далекой страны Шамбалы, где мудрые учителя человечества оберегают их от капиталистического зла. Древняя наука, или Дюн Хор...

От этого самого «Дюн Хор» по телу Владимира пробежала волна дрожи, словно молнией пронзило – да прямо в темя и до самых пяток.

А товарища Кузминкина и вовсе передернуло так, словно он вместо стакана холодного первача жахнул теплого керосина. И промелькнула у Кузминкина перед глазами картинка, а на ней – стылый подъезд, девка голая и жилец, офицер-недобиток.

– Так вот ты кто...

И тут заметил Кузминкин, что мичманочка того странного, что ему сразу не понравился, так же, как и его самого, тряхнуло. И посмотрел он на Владимира, а Костя посмотрел на него. И что-то поняли они вдруг и отвернулись друг от друга.

А офицер со сцены еще целый час вещал о том, как сложно живет пролетариату Шамбалы, со всех сторон окруженной британскими колонialiстами. Как нужно подать руку помощи братскому народу. О том, как...

У лектора это хорошо получилось.

Так хорошо, что уже далеко за полночь, когда он наконец закончил свою лекцию, в набитом до отказа зале был создан Особый Комитет Революционных Моряков Балтфлота по освобождению пролетариата Шамбалы от гнета мировой буржуазии. Было составлено требование в петроградскую чрезвычайную комиссию о создании и отправке добровольческой бригады на помощь хранителям древних знаний Дюн Хор.

«Что за бред», – подумал Максим Максимович Исаев, он же, Константин Константинович Владимиров, когда поймал себя на том, что стоит в длинной очереди из возбужденных моряков, готовых записаться в добровольческий батальон бригады «Красная Шамбала».

А лектор спокойно огладил усы, взъерошил на затылке подернутую сединой щетку волос, забрал у боцмана-ведущего фуражку, взял сверток с хлебом и селедкой и через кулисы направился к служебному выходу.

Здесь его и перехватил запыхавшийся Владимиров.

– Простите великодушно, – окликнул он офицера.

Тот остановился и взглянул на мичмана.

– Слушаю вас.

И Костя стушевался, растеряно оглянулся. Взгляд его задержался на нашивке за ранение, и он, наконец, спросил:

– Где это вас?

– Под Августовом, на севере Польши, – сказал офицер. – В девятьсот пятнадцатом.

– Извините... Разрешите представиться, – Костя взглянул офицеру в глаза. – Владимир, Константин Константинович.

– Барченко, – в свою очередь назвался офицер и не отвел взгляда. – Александр Васильевич. Чем обязан?

– Александр Васильевич, ради бога... что это было?

– Вы о чем?

– О вашей лекции.

– И откуда вы знаете про Дюн Хор?! – из полутьмы коридора на свет вышел товарищ Кузминкин.

Барченко сверху вниз оглядел моряка, бросил быстрый взгляд на Владимира.

– А вы, товарищи, собственно, кто?

И они оба, не сговариваясь, выдохнули:

– ЧК!

И удивленно посмотрели друг на друга.

– Что же... – понимающе кивнул Барченко и крепче перехватил сверток с едой. – Пойдемте.

– Вы не так поняли, – Константин поправил мичманку. – Мы... Вы где живете?

– Я? – Барченко пожал плечами. – Мы с женой сейчас квартируем в буддийском дацане...

– Тот, что на Приморском? – деловито спросил Кузминкин.

– Точно так, в Старой Деревне, – кивнул офицер и добавил: – Там не так голодно.

– Это часа два ходу, – Владимиров шагнул к двери. – Александр Васильевич, позвольте вас сопроводить.

– У нас тут кое-какие вопросы имеются, – деловито сказал Кузминкин.

– Что ж... извольте.

Изнуренный тревожным ожиданием, город старался забыться в коротком сне, чтобы хоть на мгновение задавить в себе мысли о еде и страхе за завтрашний день. Красный террор и беспросветный, ставший хроническим голод загнали обывателей в норы квартир. Тех, кто еще остался. Тех, кому некуда было бежать. Пусто было той ночью на Лиговском, и на Выборгской набережной было пусто.

Словно мираж, словно невероятный морок, как вспышка памяти в затянувшемся кошмаре реальности, прямо посредине пустой темной мостовой непринужденно и даже несколько вальяжно вышагивал бравый офицер и что-то оживленно рассказывал, подкрепляя свои слова широкими жестами. Рядом с офицером шел молоденький мичман, который с восторженностью щенка смотрел на офицера, кивал, соглашаясь со сказанным, и изредка поглядывал на третьего спутника – бравого моряка. Моряк так же внимательно слушал гово-

рившего, изредка пытался вставить какое-то слово, но когда ему представлялась такая возможность, только раздувал щеки и многозначительно вздыхал.

Ночь оказалась теплой и казалась бледной от полной луны. И зачем фонари, когда и так светло? До буддийского храма они шли долго. От клуба революционных моряков, с Лиговского до дацана было всего километров десять, но они не спешили.

Разговор оказался интересным. Так бывает, когда кто-то увлечен, а слушатели готовы воспринимать его идеи. И словно не было пятичасового выступления в клубе, словно не было голодного, злого города вокруг. Речь Барченко увлекала Костю и Кузминкина в такие неведомые дали, что все вокруг теряло значение и очертания.

Александр Васильевич прижимал левой рукой скромный краснофлотский гонорар, а правой широко размахивал, будто хотел наглядно продемонстрировать слушателям всю мощь забытых знаний древних цивилизаций...

– ...представьте себе воздушные корабли, – рассказывал Барченко, когда они подошли к Смольному собору. – В древнем трактате «Виманика шастра» есть подробная инструкция по их созданию и управлению. Воздушные суда, там они называются «виманами», были огромными летающими крепостями...

– Вот бы такой, да на стражу революции! – вырвалось у Кузминкина.

– Именно! – рубанул рукой воздух Барченко.

А Константин вдруг содрогнулся всем телом и выхватил из кармана револьвер.

– А ну, бросай пукалку, контр-р-ра! – раскатисто раздалось из темной подворотни.

– Они меня точно убьют, – спокойно сказал Владимиров и выпустил три пули в темноту.

Хлесткое эхо разнесло звук револьверных хлопков по набережной, и почти сразу в ответ вспыхнул и гулко саданул по барабанным перепонкам выстрел трехлинейки.

Пуля звонко ударила в литое ограждение парапета и ушла в сторону реки. Кузминкин схватил Барченко за рукав и потянул его на мостовую. Александр Васильевич сграбастал революционного моряка и завалился наземь, прикрывая того своим телом. Сверток с хлебом и селедкой вывалился из рук, но Барченко не обратил на это внимания.

Владимиров упал на живот, перекатился и снова выстрелил.

– Ах, мать твою так! – раздалось из подворотни и снова бабахнуло.

– Что?! Не нравится?! – злобно рывкнул мичман, сделал кувырок вперед и с колена еще дважды жахнул в темноту.

Он еще нажал на спусковой крючок револьвера, но курок лишь лязгнул металлом об металл. Барабан револьвера был пуст.

– Не стрелять! – выбравшись из объятий Барченко, громко заорал Кузминкин. – ЧК!

– Какая на хрен «ЧК»?! – раздалось из подворотни.

– Такая! – крикнул моряк и рванул из-за пазухи мандат. – ЧК! Уполномоченный я!

– И документ есть?

– Вот же. Мандат.

– Да что ты их слушаешь? – Костя трясущимися пальцами поспешно засовывал в барабан револьвера непослушные патроны.

Один вывалился-таки из его рук, прокатился по мостовой и остановился перед носом лежащего на животе Барченко.

– А чего тогда стреляете?!

– А вы?

– Дык... оно...

– Выходи на свет! – Владимиров справился с револьвером.

– Еще чего! – послышалось в ответ из подворотни. – Вы у меня под прицелом. Дернетесь – перестреляю как курят.

– Ах, ты... – Константин взвел курок.
– А тебя, мичманок, первым порешу, падла!
– погоди, – остановил Владимиров Кузминкин и встал в полный рост. – Слышь! – крикнул он в темноту. – Тебя часом не Митрохой зовут?

Некоторое время никто не отвечал. Наконец, послышалось:

– Митрохой... Ну и че?

– Живой, чертяка, – сказал моряк и разлыбился. – Митроха, это же я – Кузминкин?

– Какой Кузминкин?

– Как – «какой»? А кто тебя по весне от расстрела спас?

– Степан Иваныч? Ты?

– Ну!

– Здравия желаю.

– И тебе не хворать. Выходи, потолкуем. А то народ в округе, небось, уж подумал, что Юденич город взял.

– Ниче. Переживет народ. Ты только мичманка шутоломного угомони, а то мне самому боязно.

– Товарищ Владимиров, – посмотрел Кузминкин на Константина.

Тот кивнул, поднял руку вверх, револьвер стволом направил в небо, словно хотел выстрелить в равнодушную круглую рожу полной луны.

– Все! – крикнул он. – Шабаш!

– Ну, то другое дело, – на освещенный полнолунием тротуар набережной вышел солдат. Кузминкин бросился ему на встречу.

– Митроха!

– Степан Иваныч!

Костя презрительно хмыкнул и спрятал револьвер в карман.

– Эх, Константин Константиныч, – Барченко подошел к Владимирову и по-отечески приобнял его за плечи. – Что же вы, мил человек?

– Да... даже не знаю, – замялся Костя.

– Это испуг в вас куражится. Вы чего-то боитесь, оттого и нервничаете по пустякам.

– Извините, Александр Васильевич, и вправду нервишки что-то расшалились.

– Вам бы отвар пустырника попить, он хоть и горький, но хорошо успокаивает. Вот помню...

Кузминкин с Митрохой, что-то бурно обсуждая на ходу, подошли поближе.

– ...Эх, голова твоя бедовая, я же сам как-то на бабе погорел. А тут и вовсе за дезертирство шлепнут и не почешутся, – увещевал моряк солдата.

– Я же аккуратненько, Степан Иваныч, – оправдывался солдат. – Если бы ты ее видел... И здесь, – Митроха в воздухе нарисовал рукой округлости, – и здесь... все как полагается...

– Дурень ты, паря, – сказал Кузминкин.

А Митроха с подозрением покосился на Владимирову, а потом с любопытством взглянул на Барченко, точно припоминая что-то.

– Ось! – вспомнил он. – Что, контра? Говорил же я, что будет время, и за тобой придут... А я, слышь, – повернулся он к Кузминкину, – валенки у него эксприровал... Еще потом на боты австрийские их променял... – выставил ногу, чтобы все могли полюбоваться его новыми ботинками.

– Ошибся ты, Митроха, – хлопнул его по плечу Кузминкин. – Товарищ Барченко – наш человек, проверенный.

Митроха еще раз взглянул на офицера.

– Ну, тогда звиняй, товарищ.

– Ничего-ничего... – принял извинение Барченко.

– Ну, этого... – сказал Митроха. – Мне в казарму надо. Завтра на фронт... Рад был повидаться, Степан Иванович.

– Давай, Митроха, – Кузминкин протянул ему пятерню. – Семь футов тебе под килем.

Пожали они друг другу руки, кивнул Митроха офицеру, а на Владимирова с укоризной посмотрел и поспешил в казарму, чтобы завтра на фронт отбыть.

– Вот ведь, Карась, – бросил ему в след Кузминкин. – В самоволку к бабе из части сбежал. Только обратно собрался, а тут ты, товарищ Владимир, в него палить начал. Говорит, чуть со страху не обделался. Думал, патруль по его душу. А он уж однажды под расстрелом был, вот и испугался. Эх, Митроха... Как есть дурень.

– Нервы ни к черту, – поправил фуражку Владимир.

– Товарищи, – сказал Барченко. – Меня уже жена заждалась...

– Извините, Александр Васильевич, – Константин подобрал с мостовой пакет со снедью и передал его Барченко. – Так на чем мы остановились?

Утром Владимир и Кузминкин вышли из дакана.

Город ожил. На набережной было непривычнолюдно, словно лучи холодного осеннего солнца прогнали ночные кошмары, и жизнь продолжила свой неторопливый бег.

– Вот что, Кузминкин, – сказал Константин и сладко зевнул. – Меня в Питере пока не будет, так ты за Василича головой отвечаешь. Я с Дзержинским переговорю, тебе на то особый мандат выпишут.

– Есть, товарищ Владимир, – кивнул моряк.

– Нет, ну каков умница! – воскликнул Костя. – Калиостро! Настоящий граф Калиостро!

– Кто? – не понял Кузминкин.

– Про Василича я, про Барченко, – сказал Константин и свистнул свободному извозчику.

– Понятно...

– Эх, Степа, – Владимир взобрался на подножку пролетки, – нам бы с десятка таких людей, и мировая революция закончится победой уже завтра, – и бросил извозчику небрежно: – На Московский вокзал.

А славная нынче удалась ночь... Словно опять я в тех времена оказалась – голодных, холодных, злых, но таких хороших... Наверное, все потому, что страна была еще очень молода... И мы были молоды...

Вы заметили, что люди – весьма странные существа. Они порой боятся того, чего на самом деле боятся вовсе необязательно. Ведь как оно бывает... Скажем, боится человек темноты, так боится, что без ночника и спать не может, а тут вдруг раз, а у него в поясице прострел случился. Надевал носок на ногу, его скрючило – и ни сесть, и ни встать, словно лом проглотил... Вот ведь незадача... Получается, что все это время человек совсем не того боялся...

Вы, кстати, спать не хотите? Нет? Вот, признайтесь – вы же тогда совсем не того испугались... Совсем не того...

глава 4

Восемнадцатое августа сорокового года Данилов встретил в столовке Центрального аэроклуба СССР имени товарища Чкалова. В Тушино. Ровно в полночь массивные часы, стоящие рядом со стойкой буфета, заскрежетали и громко пробили двенадцать раз.

– Так вот, товарищи, – продолжил свою речь генерал Власик, как только часы замолчали. Было видно, что он старается сдержать тревогу. – Всех подробностей сообщить не могу, но по оперативной информации сегодня во время воздушного парада весьма вероятно покушение на руководителей нашего государства и лично товарища Сталина...

По столовой прокатился взволнованный ропот.

– Тише-тише, товарищи, – поднял руку Власик. – Мы и собрали здесь всех вас, свободных на сегодня, чтобы этого не произошло.

Власик заметно нервничал, и Данилов понял, что это – не учебная тревога.

Потом целых четыре часа был инструктаж. Каждого сотрудника вводили в сектор ответственности, распределяли по территории и давали указания. Николай Архипович даже вздремнуть успел – так, вполглаза. Его еще не дергали, не отвлекали. Его вообще не замечали. В огромном здании на Лубянской площади его словно не было. Нет, конечно же, на довольствие его поставили и отдельную квартиру выделили, что в переполненной Москве было роскошью, а тут еще и обставленную, с посудой, постельным бельем и с большим американским радиоприемником – Николай даже не знал, что такие бывают. Да еще с патефоном и набором пластинок, и надо сказать, очень приличным набором. Правда, на всем имуществе были проставлены инвентарные номера, но к этому капитан уже давно привык.

– Ничего себе! – воскликнул Вася Ермишин, когда проводил Данилова по адресу. – Кучеряво заживете, Николай Архипыч!

Данилов хотел было даже новоселье устроить, но это почему-то не вызвало большого энтузиазма у сослуживцев. Тогда-то Николай и прочувствовал холодок коллег по отношению к себе. Нет, конечно, с ним здоровались в коридорах, охрана козыряла исправно, но отношение к нему было как к чужаку – здравствуйте, до свидания...

Данилову это не нравилось. Он уже две недели в Москве, а знакомыми и приятелями так и не обзавелся. Даже с помощником Васей сложились исключительно деловые отношения. Да и не пристало как-то капитану НКВД дружить с сержантом. Оттого Данилов чувствовал одиночество.

Для него это чувство было внове. По специфике своей работы он все время был среди людей. Пусть они были врагами, пусть даже полным отребьем (однажды в Харбине ему пришлось две недели шнырять с одним мокрушником, чтобы через него выйти на главаря боевиков «Национальной организации русских фашистов»), но и во Владивостоке, и в Воронеже он чувствовал себя свободно среди своих и был счастлив, когда коллеги встречали его по завершению операции. А тут, в Москве... Было даже немного обидно.

Впрочем, он понимал, что отношение к нему в коридорах Лубянки вполне естественно: появился какой-то выскочка из провинции, чем занимается, совершенно непонятно, подчиняется Самому. Скорей всего, стукач. От такого лучше держаться подальше. Вот и держались.

А Данилову было тоскливо. За эту неделю он дважды звонил ребятам в Воронеж, но у них свои дела, у него – свои...

– О! Данилов? – голос Горыныча был немного растерянным. – Как там жив-здоров, Николай Архипыч?

– Все нормально, а вы там?

– Да тоже ничего. Как Москва?

– Стоит. Как жена? Как дети?

– Спасибо, хорошо. Ты извини, но мне тут...

Вот и поговорили.

Да и с делом все оказалось не так гладко, как хотелось бы. За прошедшую неделю Данилов о Струтинской не узнал ничего. Вообще ничего. Абсолютно!

Среди уголовниц Юлия Вонифатьевна не значилась. Об этом доложил Василий и в подтверждение своих слов положил на стол справку из архива. Почему-то капитан этому не удивился. По политическим делам она так же не проходила. Это Николай выяснил сам. Запрос на всесоюзный розыск он отправил, но решения пока не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.